

ЗАПАДНАЯ КАРЬЕРА

Алексей БЫКОВ

Рис. С. Киприна

Повесть-памфлет

„Уральскому следопыту“ удалось разыскать рукопись покойного писателя Алексея Быкова.

Несколько лет назад он готовил ее к печати, но довести дело до конца не успел. В этой фантастической приключенческой повести описывается обстановка, характерная для жизни многих западных капиталистических государств. Автор назвал ее памфлетом, подчеркивая этим ее сатирическую направленность: вот какие герои у западного мира.

В нашем журнале она печатается с некоторыми сокращениями.

1. Арест и побег Мэна

— Мэн — взломщик сейфов! Не миндальничайте с ним! Побежит — стреляйте прямо в башку! — крикнул широкоплечий человек, грубо вышвыривая Мэна из полицейской машины на раскаленный асфальт.

Сталь и камень окружали внутренний двор центральной тюрьмы, этого добротного произведения техники и культуры западного мира.

Мэн с трудом поднялся на ноги. Массивные ворота сзади него захлопнулись; пудовые засовы легли в свои гнезда.

— Вперед! Быстро! — командовал мужчина в сером костюме, с нежной белой гвоздикой в петлице и сдвинутой на затылок шляпой. Он ткнул Мэна плоским пистолетом в спину, и тот рысцой побежал по дорожке, отмеченной белыми полосами, прямо к дверям начальника тюрьмы.

— Крепко сделано! Не уйдешь, пожалуй! — бормотал Мэн, скользя глазами «специалиста» по высоким каменным стенам с металлическими решетками, укрепленными на изоляторах на самом верху. Десяток стражей с автоматами и собаками стояли у ворот. Тут же, готовые к прыжку, притаились под тентом четыре ярких мощных мотоцикла с полицейскими знаками.

— Вот этот экземпляр! Я целый год гонялся за ним. Вам звонили? — вместо приветствия, спросил человек в сером начальника тюрьмы Фукса. — Черт! Выбил у меня зуб... — с присвистом добавил он.

— Но вы проверьте — все ли целы у него ребра? — ухмыльнулся сыщик. Получив расписку и махнув на прощанье рукой, он ушел.

Фукс поднялся из-за стола и шагнул к Мэну. Они были почти одинакового роста и немного походили друг на друга. Только начальник тюрьмы был до дикости рыж и лохмат.

Фукс был грозой всей тюрьмы от последнего арестанта-карманника до старшего тюремного смотрителя. Он был очень скуп на слова, но скор на руку и зорок на глаз. Видавшая виды резиновая плетка висела на его руке.

Помятый и избитый в машине, Мэн чудом сохранил окурочек черной мексиканской сигаретки, приклеившейся к его нижней распухшей губе. На лбу его зрела шишка. По достоинству оценив своего нового начальника, он сначала приуныл, но потом посмотрел тому прямо в глаза и вытягивая губу с окурком сигареты, прознес:

— Хозяин, дайте огонька!

Фукс шевельнул кистью правой руки, и сигарета, ловко сбита концом плетки, приклеилась к стене.

— В двести тринадцатый, с плиткой! — хрипло крикнул Фукс вызванным смотрителям. Они подхватили Мэна и поволокли к дверям.

— Все же я от тебя уйду, рыжая крыса! — оборачиваясь, крикнул он. Вместо ответа, ловкий пинок перенес его тело через порог и придал скорость и инерцию, вполне достаточные для подъема на четвертый этаж по спирально поднимающемуся коридору до камеры с номером 213..

Лежа на металлической койке, подвешенной на цепочках к стене, Мэн стонал, охал и никак не мог сообразить, как его обнаружили в этом огромном и людном городе.

Он целый год уже не воровал. Купив в районе доков бар «Черный Краб», спокойно торговал напитками, завоевывая известность среди моряков и ловцов рыбы, полюбивших это заведение. Изредка он подсаживался к посетителям за столик выпить рюмку наливки, поговорить о погоде. Все знали его как веселого Тома и только.

Денег у Мэна было много. Они скопились от прошлой «работы» и сохранялись в надежном месте. Мэн выжидал забвения своих похуждений и рассчитывал так же под чужим именем купить маленькую виллу где-нибудь на берегу океана и вдоволь попутешествовать...

И вдруг — сразу три пистолета!

Они уперлись Мэну в живот сегодня утром, когда он склонился над кассой бара, отсчитывая сдачу.

— Ты арестован! — и рука сыщика, того, в сером, с нежной гвоздикой в петлице, тяжело легла ему на плечо. Щелкнули наручники, и Мэн среди наступившей тишины с треском открыл собственным лбом массивную дверь на улицу. Сейчас же он оказался на коврике полицейской автомашины под сидящим на нем джентльменом в сером костюме.

— Алло, сосед! — раздалось ночью тихое, но четкое постукивание в стену из камеры справа.

— Алло, кто ты? — вопросом ответил Мэн.

— Кинлей. Гример и парикмахер театра «Люкс»...

— За что ты сел? — спросил Мэн.

Сосед помолчал, очевидно, вспоминая день своего падения и ухода сюда, в казематы центральной тюрьмы.

— Я стаянул у Аллы Кок ее фамильные драгоценности.

— Ого! Я слышал про это дело! Но как ты ухитрился?! — заинтересовался Мэн. Кинлей попросил его подойти к сплошной решетке, отделявшей смежные камеры от коридора. А то стуками всего не перескажешь!

И вот они сошлись, невидимые друг другом, у толстых прутьев их смежных клеток. Кинлей рассказал свою историю:

— В наш театр приехала кинозвезда Алла Кок. Я гримировал ее и скоро сделался «своим человеком» в ее уборной.

В своей коронной роли — в комедии «Смеющаяся черепаха» — Алла Кок имела бурный успех. До десяти костюмов приходилось ей менять. И до десяти раз в вечер я приходил к ней поправлять ее прическу, грим и припудривать потные щеки.

В последней картине она была одета в зеленую с золотыми блесками сетку. Это и был весь костюм, если не считать нескольких виноградных листьев. Зато на шее, голове и руках сверкали и переливались знаменитые бриллианты, полученные ею по наследству от какой-то умершей, давно забытой тетушки.

Я в ту пору сильно увлекался балеринкой Роззи, предлагал ей руку и сердце. Но она толь-

ко показывала мне язык, когда встречалась в коридорах театра. Однажды она, издеваясь, сказала мне:

— Достань такие же бриллианты, как у Аллы Кок, тогда у нас будут деньги и мы поженемся!..

Очертя голову я бросился в эту опасную аферу. Я знал, свои камни Алла прятала в деревянную шкапулку и ставила ее в угол шкафа под старые тряпки.

Вечером, поправив ей грим и прическу перед последней картиной, я простился с ней. Торопясь, она убежала за ширму натягивать свою сетку. Я же хлопнул дверью уборной, но не вышел, а спрятался за портьерой окна.

— Кинлей, вы еще не ушли? — спросила Алла.

Я молчал.

Когда артистка, закрыв комнату на ключ, убежала на сцену, я, растолкав по карманам бриллианты, спустился на улицу по водосточной трубе.

— Потом я прошел, никем не замеченный, через служебный ход и бродил за кулисами, разыскивая Роззи. Она уже оделась, собираясь идти домой. Я сказал ей, что у меня уже есть такие же бриллианты, как у Аллы Кок! Роззи вытаращила глаза, и мы поехали с ней в какой-то ресторан ужинать.

Дорогой она забрала эти проклятые камни в свою сумочку, сказав, что так надежней! Мы условились продать их, бросить театр, купить маленький домик и начать тихую, спокойную жизнь. Потом я, как настоящий жених, проводил Роззи до дому и, счастливый, ушел к себе спать.

На другой день черт понес мою невесту к ювелиру — узнавать цену камням. А он ей сказал, что все они — ловкая подделка, стекло!

Я ничего об этом не знал и пришел днем в театр заняться починкой париков. На сцене шла репетиция, но Аллы Кок не было. Говорили, что она, обнаружив вечером пропажу, слегла в постель.

В театр, как ракета, как бомба, влетела моя Роззи. Подскочив ко мне, она, истерически взвизывая, кричала:

— Вот твои стекляшки, старый обманщик! Вот твой дом, твоя машина, твоя тихая жизнь!

При этом она выхватывала из сумочки ожерелье, браслеты и броши и швыряла мне в физиономию.

— Отдай их обратно своей Алле Кок! — заливаясь слезами, вопила она, привлекая внимание всей труппы.

Через десять минут меня увезли в тюрьму... Кинлей замолчал, и Мэн, решив, что вопрос исчерпан, лег на свою жесткую койку. Постепенно он уснул.

Немного погодя его кто-то грубо ткнул в бок. Вскочив и протирая глаза, Мэн увидел в своей камере рыжего Фукса. Тот был пьян, левый глаз прищурен.

— Спишь, бандюга! — закричал Фукс и хлестнул плеткой по лицу Мэна. Кровь бросилась в голову оскорбленному Мэну. Он рванулся вперед и, схватив руками Фукса за горло, выкинул его в распахнувшуюся дверь на пол коридора. Он был так взбешен и страшен в этот момент, что тюремщик, поднявшись на ноги, не рискнул повторить своей «экскурсии» в клетку с номером 213.

Ударом ноги Фукс толкнул дверь, и замок автоматически захлопнулся. Затем он надавил

красную кнопку против камеры Мэна. Койка в камере моментально отцепилась, ударилась о стенку и повисла. Мэн почувствовал, что пол его камеры быстро раскаляется. Он начал перебирать ногами. Ни стола, ни стула в камере не было, а койка висела теперь, прижавшись к стене, и не могла служить убежищем. Фукс, стоявший у решетки, хохотал:

— Танцуй, собака, всю ночь, пока не изжаришься! — крикнул он и, довольный, зашагал вниз по спиральному спуску.

— Ах, подлецы, что придумали! — бормотал Мэн, все чаще и чаще перебирая ногами.

— Прыгай на решетку! — крикнул ему Кинлей из соседней камеры.

Мэн вскарабкался на решетку и, как обезьяна, уцепившись за нее руками и ногами, провисел до утра...

На другой день все 12 этажей тюрьмы гудели, как улей. Арестанты прильнули к углам решеток и пересказывали своим невидимым соседям, как новичок № 213 вышвырнул ночью рыжего Фукса из своей камеры.

К полудню предприимчивые тюремщики при раздаче чечевичной похлебки за соответствующее вознаграждение сунули некоторым арестантам свежие утренние газеты. Тюрьма узнала: № 213 — это МЭН! Тот самый, который в течение нескольких лет опустошал банки и грабил отдельных богачей методом более простым, чем ухищрения конкурирующих с ними монополий: он просто взламывал их сейфы!

При этом Мэн был весьма деликатен: он обязательно оставлял свой автограф, чтобы полиция не ломала голову зря и не путала его с другими взломщиками. Честолобие бывает и у бандита!

Мэн завоевал особую симпатию у 999-ти человек, заключенных в стальном зверинце, особенно тогда, когда они узнали, что он одиннадцать раз уходил из рук полиции! Стены любой тюрьмы не могли удержать его и послушно раскрывались перед ним, как и дверцы денежных сейфов.

Среди арестантов было заключено 827 пар: уйдет ли Мэн и на этот раз, обманув рыжего Фукса? Это был бы первый побег из столь знаменитой тюрьмы.

Кинлей и Мэн, опять сойдясь у границ своих решеток, обсуждали вопрос: как бежать? Все известные способы, как взятка, подкуп, взрыв, слезоточивые газы, здесь были неприменимы.

— Да... — проговорил Мэн, — из этой проклятой дыры может выходить бесконтрольно один лишь Фукс!..

— Гениальная мысль! — вскричал Кинлей. — Вы должны быть Фуксом. И я сделаю вас Фуксом!

Кинлей кинулся к другому концу решетки, чтобы передать по «беспроволочному телефону» такой приказ:

«Алло, всем, всем!.. Немедленно нужны десять горстей самых рыжих, самых длинных волос для Мэна! Он хочет одурачить Фукса!»

Среди тысячи арестантов было 47 рыжих. Однако «самых рыжих» было всего 8 человек. Вся тяжесть выполнения затеи Кинлея легла на головы восьми экстрарыжих арестантов. Из-за решеток огненных индивидуумов высовывались согнутые дугой проволоочки с клочками волос. Их перехватывала рука соседа. И так пригоршни этого рыжего пламени перебежали из камеры в камеру, пока не попадали в руки Кинлея.

Мэн десятки раз должен был примеривать

остов парика, а Кинлей, выставив из-за решетки обломок зеркала, подмечал все недостатки и, забрав парик обратно, исправлял их.

Используя все скудные возможности тюрьмы, Кинлей создал великолепный парик, убрал брови и баки, которые молниеносно преобразили Мэна в рыжего Фукса. Это был шедевр парикмахерского искусства! За такое волосатое произведение Кинлей был достоин избрания в члены парижской академии или установки бронзового памятника!..

Между тем, Фукс, не подозревая о появлении его двойника, как всегда, по ночам посещал коридор тюрьмы, останавливаясь у камеры № 213. Он будил Мэна своими пьяными ругательствами и каждый раз ехидно спрашивал:

— Когда же ты побежишь, бандюга? Жалкий хвостун! Ни один человек еще не ушел из-под замков!

— Не торопись, рыжая морда! — отвечал ему Мэн. — Меня здесь через два дня не будет, а ты получишь хорошую встрепку, драная крыса!

— Хо-хо-хо! — грохотал Фукс на всю тюрьму. — Если ты не сбежишь через два дня, я отрежу твой нос!..

И так они подолгу стояли, разделенные решеткой, глядя с ненавистью друг другу в глаза, сжимая кулаки и ругаясь.

Тюрьма ждала развязки. Ночные диалоги между Мэном и Фуксом изучались и комментировались арестантами так же, как изучают дипломаты госдепартамента полученную ими ноту или комментируют важное заявление какого-либо премьера.

И вот развязка наступила!

В ту ночь, когда Мэн обещал бежать, Фукс был особенно оживлен. Пьяно шатаясь, он дошел до камеры 213 и заорал, будя арестантов:

— Болтун! Просыпайся, иди к решетке, я буду резать твой нос!

Но Мэн лежал, не шевелясь, на койке, закрывшись с головой своей полосатой арестантской курткой. Фукс с нетерпением кричал на всю тюрьму и колотил кулаками по решетке. Возбуждение жильцов соседних камер достигло предела. Они напряженно прислушивались и жадно ловили каждый звук.

Звякнула связка ключей, извлеченных из кармана Фуксом. Замок камеры шелкнул, заскрипела на железных петлях решетчатая дверь. Значит — тюремщик вошел туда!

Действительно, Фукс стоял перед лежащим Мэном. Он хлестнул плеткой неподвижную фигуру.

— Ты что, уже издох? — закричал Фукс, сорвал куртку с головы Мэна... и в ужасе отпрянул.

На койке лежал он сам! Его собственная физиономия смотрела на него, прищуривая левый глаз под рыжей бровью. Страшный двойник встал и медленно шел к объёму страхом трясущемуся Фуксу.

Кинлей в соседней камере услышал сильный удар о стену. Он, затаив дыхание, стоял у решетки, прислушиваясь к шороху и возне в камере 213.

Через три-четыре минуты скрипнула решетчатая дверь, и из камеры, пошатываясь, вышел... Фукс! Кинлей кинулся на свою койку и притворился спящим. Шаги остановились у его решетки.

— Спасибо, друг! — раздался тихий голос Мэна. Да! Это был Мэн, перевоплощенный в Фукса талантом бывшего парикмахера и гримера

театра. Кинлей радостно подбежал к решетке, пожимая руки товарищу.

— Желаю тебе удачи! Ты незнаваем, иди смело!

— Что для тебя сделать там? — спросил Мэн. Кинлей подумал и сказал:

— Повидай Роззи. Мне жаль ее: уж очень она хотела счастливой и спокойной жизни. Помогите ей!

— Обещаю! — ответил Мэн и, простившись с Кинлеем, пошатываясь, пошел по спиральному спуску вниз.

Младшие тюремщики, услышав шаги, вскакивали с табуретов и подобострастно распахивали перед грозным начальством стальные двери.

Во дворе он направился прямо к воротам. Охрана замерла на своих местах. Они увидели, как Фукс достал из кармана сигаретку, сунул ее в рот и нетерпеливо хлестнул себя по ноге плеткой. Ближайший сторож выхватил зажигалку, почтительно дал прикурить и подпернул под локоть пошатнувшегося шефа, когда тот с трудом взбирался на мотоцикл. Завывая сиреной, машина вильнула из стороны в сторону и с ревом вылетела за ворота тюрьмы, унося по белой полосе асфальта счастливого Мэна.

Тюремщики прикрыли ворота.

— Может быть, сегодня убьется этот рыжий, — с тайной надеждой сказал один из них. — Уж больно он, собака, пьян!

И пудовые засовы ворот легли в свои гнезда.

2. Вилла „Уран“

Мэн мчался по асфальтовому шоссе, пугая полицейской сиреной мотоцикла спящих жителей пригорода. Однако стоящие на перекрестках полисмены козыряли ему, освобождая дорогу.

— Куда мне ехать? — размышлял Мэн. — В бар нельзя: накроют...

А больше у него пристанища в этом городе не было. Поэтому он летел на полной скорости, часто меняя направление, лишь бы запутать следы. Он знал, что если полицейский мотоцикл, парик и форма начальника тюрьмы помогли ему бежать, то они же явятся первой уликой при аресте.

Избегая людных улиц, оживленных и в ночное время, Мэн выехал с противоположной стороны города на шоссе, украшенное виллами, расположенными вдоль залива. Он подъехал к самому берегу и толкнул машину с откоса вниз. Она перевернулась в воздухе и скрылась под водой. Шагая по шоссе, Мэн приглядывался к виллам, не зная, который из парков ему выбрать, чтобы спрятаться от возможной погони.

Вскоре он остановился у одной из крупных вилл, белевшей между деревьями. На решетке ее ворот виднелась надпись: «Вилла «Уран». Убедившись, что на шоссе никого нет, Мэн легко перебрался через ограду, забрался в густые кусты и моментально крепко уснул...

Утро разбудило Мэна ярким светом и веселым щебетаньем птиц. Потягиваясь и зевая, он сел на траве, открыл глаза и мгновенно вскочил на ноги, увидев перед собой молодого человека в пестрой спортивной куртке и с газетой в руках. Мэн заметил, что незнакомец безоружен и не имеет намерения его схватить. Молодой человек еще раз взглянул в газету, потом на Мэна.

— Вы Мэн?! — спросил он с восхищением. — Даю вам слово, что я вас не выдам! Но снимите ваш парик, я хочу видеть вас настоящим!

Мэн с досадой, что его узнали, содрал рыжие волосы, отклеил брови и усики и сунул все это в карман.

— Вам сейчас же нужно переодеться и побриться. Идемте!

— Куда? — насторожился Мэн.

— К нам, на виллу. Там сейчас все еще спят, мы проскользнем незаметно в мои комнаты!

Так Мэн — взломщик сейфов, беглец из тюрьмы — оказался гостем Джека, единственного племянника знаменитого фабриканта атомных бомб.

Мэн сидел в ванной комнате Джека и отскабливал бритвой колючую щетину бороды. На нем был пушистый халат хозяина. Из зеркала на него смотрело смелое лицо с тяжелым квадратным подбородком и голубыми глазами.

— А, будь что будет! Как-нибудь выкручусь! — говорил сам себе Мэн.

Между тем Джек в соседней комнате заказал слуге обильный завтрак и закрыл за ним дверь.

Освеженный и выбритый Мэн сидел с Джеком за столом и уплетал яичницу с ветчиной.

— Наконец-то я встретил настоящего человека! — говорил Джек. — Я прошу вашей дружбы!

Мэн сунул ему руку, не отвечая ни слова: его рот был занят.

Все газеты, которые получали на вилле, отвели почетное место описанию очередного побега Мэна. Многочисленные фотографии Мэна, одуроченного им Фукса, камеры № 213, тюрьмы красовались на видных местах. Мэн, первый преступник, сбежавший из этого капитального сооружения, оборудованного по последнему слову техники, становился национальным героем! Джек включил радио. И из репродуктора также неслись слова комментатора, говорящего о Мэне.

Мэн равнодушно относился к шумихе, подня-

той вокруг его имени. Но Джек — ликовал! Он был восхищен бурными успехами Мэна. Он начинал его боготворить!..

Джек не был уж таким болтушом и шлопаем, каким он вначале показался Мэну. Пятнадцати лет Джек был взят в дом дядюшки после смерти отца, работавшего врачом. Потом Джек окончил университет, а во время второй мировой войны работал пилотом и часто летал. Вообще с детства он наломал и напортил столько моторов и машин, начиная с мотоцикла и кончая самолетом, что имел возможность, по мнению своего дядюшки, в совершенстве изучить технику!

И вообще Джек был неглупый парень. Вся беда в том, что теперь он изывал от безделья, был пресыщен всеми благами, которые предоставлял ему дядюшкин атомный бизнес.

И вдруг — такая радость! Он встретил человека энергичного, не признающего опасности, за которым охотились все сыщики и полисмены страны, человека, о котором писали все газеты.

Мэн понимал чувства Джека и знал, что он в его комнатах на вилле — как у Христа за пазухой. Никакая полиция не сунет сюда свой длинный нос!

Развалившись на диване и посасывая сигару, Мэн рассказывал Джеку о своих приключениях.

Однажды вечером Джек привел к Мэну своего знакомого Людвиг Тарновского, которому можно было вполне доверять. Это был уже молодой, лысеющий и худой мужчина с длинным унылым лицом, одетый в черный костюм, висевший на его фигуре, как на палке. Он был известным конструктором вертолетов и ракетных самолетов, хотя больше походил на церковного пастора.

Тарновский сконструировал и частично построил замечательную машину: оригинальное соединение вертолета с ракетопланом. По замыслу конструктора, этот аппарат мог неподвижно висеть в воздухе, опускаться и подниматься с любой площадки совсем без разбега, а в нужный момент втягивал в себя винты и превращался в стремительно летящую ракету со скоростью, далеко превышающей скорость звука.

За чертежами машины Тарновского охотилось несколько авиационных компаний. Но он не хотел дешево отдавать свое детище хищным фабрикантам, а рассчитывал построить несколько образцов своей машины и организовать ее производство на паях с каким-либо коммерсантом.

Мэн возбужденно зашагал по комнате, глубоко засунув руки в карманы. Он был одет в чуть-чуть поношенный, но добротный костюм дядюшки Джека.

— Не унывайте, Тарновский! Мэн и Джек вас выручат! Через сколько времени можно построить вашу машину? — быстро спросил он.

— Но у меня нет денег... — начал было тот.

— Деньги будут! — прервал его Мэн. — Но эту первую, изготовленную вами машину вы должны будете отдать мне. Это мое обязательное условие...

В конце концов они договорились: Мэн доставал деньги, Джек размещал заказы на разных заводах дяди, Тарновский следил за сборкой машины и испытывал ее в полете. После проведения всех опытов и испытаний он передавал машину в полное распоряжение Мэна и Джека.

Дело закипело со следующего дня. Мэн на ночной машине съездил в свой тайничок и при-

вез деньги, которых хватило для начала работ по изготовлению деталей вертолета. Так они назвали свою будущую машину.

Однако через две недели деньги стали иссякать, а заказы требовали все новых и новых расходов. Где взять денег, хотя бы полтора-два тысячи? — ломали головы заговорщики...

— Я сейчас был у дяди и случайно услышал любопытный разговор, — как-то сказал Джек Мэну. — К танковому фабриканту, живущему на соседней вилле, завтра придет член правительства Коркланд. Фабрикант хочет подбить его организовать группу сенаторов для поддержки компании по расширению танкового производства.

Пока Коркланд еще ломается, но все это потому, что они не сторговались. Он заломил слишком большую цену — четыреста тысяч! Но потом как будто бы согласился на триста тысяч, но не акциями, а наличными — чистоганом!

На другой день Джек пронюхал, что сделка состоялась.

— Триста тысяч перейдут сегодня в карман к Коркланду.

— Прекрасно! — вскопился Мэн. — Ему вручат, а мы у него позаимствуем!..

В полдень на виллу танкового фабриканта в синем лимузине явился с визитом член правительства Коркланд. Чтобы придать своей поездке более невинный вид, он взял с собой свою супругу — даму не первой молодости, с маленькой пуцеглазой собачкой на руках.

Коркланд договорился с танковым фабрикантом о всех деталях похода на общественное мнение. Коркланд получил заранее составленный для него текст речи о коммунистической опасности и необходимости модернизации танкового парка западных стран. Кроме того, фабрикант передал члену правительства статьи для газет и выступления по радио. И, наконец, самое главное — объемистый коричневый портфель, в котором покоились хрустящие пачки денег: триста тысяч!

Миссис Коркланд решила остаться на вилле до следующего дня.

Вечером от подъезда виллы фабриканта танков отъехала синяя машина. В ней сидел довольный Коркланд и поглаживал пузатый портфель.

— Езжайте побыстрее! — скомандовал он своему унылому шоферу.

Но, когда машина была уже за воротами виллы, под ней что-то зашило, и шофер резко остановил мотор. Он выскочил на дорогу и, обходя машину кругом, пинал ногами колеса.

— Небывалый случай, господин Коркланд! Спустили сразу две покрышки! — недоумевая, доложил он хозяину.

— Вечно у вас аварии! — кипятился Коркланд. — Почему вас не уволят? Я двадцать раз говорил об этом своему секретарю!

Но Коркланд чувствовал, что все равно он не сможет выгнать своего ленивого шофера: слишком уж тот много знал о «делах» хозяина, как служебных, так и сердечных. Еще разболтает! А огласки Коркланд боялся больше всего на свете!

Шофер со стуком сбросил на асфальт домкрат, две покрышки и, не торопясь, занялся ремонтом.

Метрах в пятидесяти от ворот, под прямым углом к дороге от виллы, белело широкое шоссе. По нему неслись сотни машин с притушенными фарами. Полисмен на перекрестке поигрывал своей белой дубинкой. К синей машине подошел человек в коричневом костюме и бесцеремонно открыл дверку.

— Простите, мистер... Ах, мистер Коркланд! Как я рад, что вижу вас так близко! Я присутствовал на ваших предвыборных митингах и крепко поработал на вас!

Незнакомец влез в машину и без приглашения уселся рядом с напуганным и возмущенным Коркландом.

— Я разбил двенадцать голов вашим противникам и сорок семь человек ухитрился засадить в полицию в день выборов! — мистифицировал Коркланда нахальный незнакомец.

— Но что вам сейчас от меня надо? Кто вы такой? — Коркланд взялся за ручку дверцы, чтобы крикнуть шоферу. Тот возился с задней крышкой и ничего не видел.

— Одну минуту! — остановил человек в коричневом. — Я хотел бы сейчас получить немного денег за хлопоты при ваших незаконных выборах...

Коркланд нервно выдернул из внутреннего кармана чековую книжку.

— Сколько вам? — брезгливо спросил он, чувствуя, что попал в руки нахального мелкого шантажера.

— Триста тысяч...

— Что-о-о?! — взревел Коркланд.

— Но подумайте и посчитайте! — доказывал незнакомец. — Двенадцать голов, сорок семь арестантов! Ведь это что-нибудь стоит?

— Вы сумасшедший! Я сейчас сдам вас полисмену, и вас посадят. Да, да! Посадят за это гнусное вымогательство и клевету!

— Мне кажется, что в таком случае мы оба съедем одновременно: я за вымогательство, вы за взятку, которая лежит в вашем портфеле...

— Вы окончательно сумасшедший человек! — вытирая лоб и шею, пробормотал Коркланд. Его лицо начало наливаться кровью.

— Не надо нервничать, вас может хватить удар! А тогда никто не услышит вашей замечательной речи о танках. А если вся эта затея всплывет наружу? Что тогда будет? Конец карьеры, конец всему!..

Коркланд, полуживой, откинулся на подушки автомобиля, шляпа его скатилась и упала на пол.

— Замолчите! Что вы от меня хотите в конце концов? — умоляюще простонал он.

— Только вот этот портфель с деньгами.

— Но в нем нет денег. В нем только документы!..

— Прекрасно! Некоторые документки стоят дороже трехсот тысяч. Я их продам, а разницу вам вышлю по почте...

Коркланд видел, что он попал в мышеловку. Кричать о помощи он не мог: сразу же обнаружится скандальная история с этой взяткой.

— Черт меня понес на эту дьявольскую виллу! Но какие гарантии у меня будут, что вы не раструбите всей этой истории по всему свету?

— Мое незапятнанное честное имя! — гордо ответил незнакомец.

— Ха! Ваше имя?.. Что же это за такое имя?..

— Мэн!.. — придвинувшись к Коркланду, тихо сказал человек.

Коркланд с ужасом сунул портфель Мэну и повалился в обморок.

— Принесите хозяину воды, вон из той лужи! Ему нездоровится! — приказал Мэн изумленному шоферу и, вежливо козырнув, пошagal к шоссе.

Там его с нетерпением ждал его приятель — Джек, рассыпавший час тому назад стальные колечки на дороге у виллы танкового фабриканта.

3. На геликоракетоплане

Благодаря психологическому трюку, который применил Мэн к Коркланду, были получены деньги в сумме, более чем достаточной для завершения сборки геликоракетоплана.

Первое испытание геликоракетоплана состоялось 11 июня в 2 часа 45 минут.

Тарновский пригласил своих спутников войти в кабину и захлопнул дверь. Бесшумные моторы вращали воздушные винты аппарата, и он медленно, без толчков, отделился от земли и поднялся в воздух над лугами фермы, арендованной Джеком специально для сборки и испытаний.

Изобретатель разрешил открыть окна. Геликоракетоплан медленно летел над землей, купаясь в волнах теплых воздушных течений. На пасмурном небе в редких разрывах облаков мерцали крупные звезды.

Людвиг Тарновский проверял действие многочисленных приборов на щите и стенках кабины.

— Пока все идет хорошо, — сказал он. — Может, попробуем включить ракетные установки?

— Валийте! — согласился Мэн и вместе с Джеком стал задраивать окна. Потом они сели в удобные мягкие кресла, чтобы избежать толчка при начале полета.

Нажав рычаг конструктор заставил винты геликоптера сложиться подобно вееру, и прижаться к корпусу аппарата. Геликоракетоплан, потянув поддерживающую его в воздухе работу винтов, стал быстро падать вниз.

Тарновский повернул выключатель, и машина, вздрогнув, помчалась по горизонтальной линии. Все более и более усиливая подачу горючей смеси, довольный изобретатель пустил машину с такой скоростью, что она, подобно пуле, пронзала облака, оставляя за собой короткие языки неяркого голубоватого пламени.

Они поднимались все выше и выше. Включили кислородную установку. Теперь можно было встать с кресел и спокойно расхаживать по кабине. Альтиметр показывал, что они летят на высоте восьми тысяч метров, а стрелка указателя скорости перебралась через красную черту, обозначающую скорость звука.

Первый полет был безупречен. Он продолжался всего полтора часа, но доказал прекрасные технические качества геликоракетоплана.

Через неделю тренировочных полетов Джек вполне освоился с работой аппарата и совершенно свободно управлял им.

Мэн тоже пытался разобраться в сложной системе механизмов, но не мог постигнуть этого искусства. Взявшись однажды за штурвал и рычаги, он чуть не убил и себя и спутников, пустив на бешеной скорости машину прямо к земле. Только быстрота и хладнокровие Тарновского спасли их от неминуемой катастрофы.

Туманным вечером, примерно дней через десять после начала испытаний самолета, Джек зашел в комнату Мэна, чтобы вместе поехать на ферму и полетать на геликоракетоплане.

Он был очень удивлен, когда увидел, что его приятель крутится перед зеркалом, примеряя новые галстуки.

— Ты что, уж не на свиданье ли собрался?!

— Угадал! Я решил сегодня повидать подружку Кинлея — Роззи. Кинлей так много о ней рассказывал, что я решил сам взглянуть на нее.

— Намерение твое очень похвально, — сказал Джек, — но как же ты попадешь в театр? Ведь тебя сцапают на первом перекрестке, и ты опять сядешь к рыжему Фуксу!

— А я думаю попасть в театр без билета — с воздуха! — ответил Мэн удивленному приятелю.

Джек подошел к окну. Погода пасмурная, темно, попробовать можно....

... — Если не запутаемся в какой-нибудь антенне или не сядем на шею трубочисту, то все обойдется хорошо! — пробормотал Джек, плавно опуская геликоракетоплан на плоскую оцинкованную крышу театра.

— Ты здесь поспукай немного. Я быстро вернусь! — сказал Мэн, исчезая в окошке чердака.

По темным переходам и узким лестницам он спустился в помещение, расположенное над сценой театра, и через железную дверку вышел прямо на колосники.

К своей досаде Мэн увидел, что с противоположной стороны мостика к нему движется фигура пожарного. Тот был усат, как морж, и красен, как помидор. Усатое помидорообразное лицо вопросительно посмотрело на Мэна.

— Я новый пожарный инспектор зрелищных предприятий. Будете меня сопровождать! — распорядился Мэн.

Кончики усов раздвинулись в любезной улыбке и покорно повисли вниз.

Мэн пошлепал рукой по висевшему на стене огнетушителю и медленной, инспекторской походкой двинулся по колосникам.

— Вы тут всех балеринок знаете? — спросил он своего спутника.

Лицо, похожее на помидор, под начищенной каской, улыбнулось, и из-под усов раздался какой-то булькающий звук.

— Очевидно, он лишился дара речи при встрече с новым начальником! — прошептал Мэн.

— Когда они перестанут танцевать, позовете ко мне сюда Роззи. Вы знаете Роззи? Ту, которая была замешана с грибом Кинлеем?

Усатая голова утвердительно кивнула, пожарник почтительно откозырял и, придерживая рукой топорик, стремглав кинулся вниз по жиденькой лестнице.

Роззи, с недоуменной улыбкой на курносом хорошеньком личике, поднялась на колосники. Она была очень пикантна в своем серебряном жилетике и короткой пышной юбочке.

Пожарный страж, выполнив странную прихоть начальства, повернулся к ним спиной, заложил назад руки и прилежно стал рассматривать декорации, поднятые над сценой.

— Я вам, Роззи, принес привет!..

— Ах, неужели от Кинлея?! — она схватилась рукой за сердце.

— Вы угадали: от него.

На глазах девушки показались слезы, а серебряный жилетик стал быстро-быстро подниматься и опускаться в такт ее дыханию.

— Бедный, добрый Кинлей! Человек с золотым сердцем! — плача, говорила девушка.

Мэн, не имея достаточного опыта, как мог утешал ее:

— Вы правы, Роззи, сердце у него золотое, а руки... руки прямо бриллиантовые!..

Но тут он спохватился и прикусил язык, сообразив, что сказал недопустимую грубость: нельзя напоминать этой маленькой балеринке о роковых камнях, разбивших ее счастье.

— Милая Роззи, хотите — у вас завтра будут тридцать тысяч? Вы бросите театр, купите домик. Ведь вы хотели так жить?

— Нет, такая жизнь теперь мне не нужна... — печально ответила девушка.

Мэн задумался. Ему очень хотелось сделать что-нибудь большое и хорошее для Роззи.

— Хотите, Роззи, я сделаю вас героиней этого театра? Вы замените выскочку Аллу Кок! Ваш успех затмит ее славу.

Роззи большими и влажными от слез глазами смотрела на своего неожиданного и великодушного покровителя.

Мэн схватил ее за руку, крикнул пожарному: «Посветите нам!» — и быстро нырнул в темные переходы чердака.

Моржеобразный пожарный, ничего не понимая в странном поведении нового инспектора, включил электрофонарик и побежал за ними.

— Эй, Джек! Принимай гостью! Знакомься, это Роззи! — крикнул Мэн, открывая дверку кабины. Потом он повернулся к совершенно ошеломленному пожарному и приказал:

— Стой смирно и высвистывай «Торжественный гимн!» Петь ты все равно не сможешь!

Итак, Роззи поднялась в свое неизвестное «завтра» на сказочном геликоптере под звуки гимна, исполняемого дежурным на цинковой крыше театра.

— Но как же мой выход в последней сцене? — спохватилась девушка. — Ах, меня уволят, меня прогонят из театра!..

— Не думайте об этом! — успокаивал Мэн. Он ходил по кабине, возбужденно жестикулируя.

— Завтра вы будете знамениты больше, чем Алла Кок! Так на кой черт вам нужна теперь последняя сцена в провинциальном театре? Выпейте-ка лучше чашечку кофе! — И он стал откручивать крышку термоса.

Джек, так же как и Роззи, ничего пока не понимал. Но он привык во всем верить Мэну: раз сказано, значит, так и будет!

— Курс на столицу! — дал команду Мэн.

Вскоре Роззи уже спокойно спала, покачиваясь в гамаке, утомленная такими переживаниями и радужными надеждами на будущее.

— Давай сделаем девушке рекламу, но такую, чтобы ей позавидовала любая звезда! — сказал Мэн, подсаживаясь на ручку кресла, где сидел за штурвалом Джек.

— Высадим-ка мы ее на крышу небоскреба, или на мачту радиостанции, или...

— Стоп! Стоп! — вдруг закричал Джек. — У меня тоже гениальная мысль!.. Мы ее высадим на башню городского собора. Вот будет сенсация!

Была еще глухая ночь, когда геликоракетоплан повис над столицей. Опускаясь над центром города, приятели скоро увидели огромную башню собора. Медленно облетели они вокруг собора.

Наконец, место высадки было выбрано. Башня заканчивалась узкой горизонтальной площадкой двухметровой длины. Туда-то и высадил сонную Роззи ее два любезных кавалера.

— Единственная к вам просьба, — сказал на прощание Мэн, — не сваливайтесь вниз. Здесь высота около двухсот метров! А слава поднимется к вам сюда утром, как на крыльях. Вот увидите!

И геликоракетоплан, оставив свою пассажирку, медленно уплыл вверх и исчез из глаз...

4 Головокружительная карьера

Страх сковал руки и ноги Роззи. Она боялась пошевелиться, боялась громко вздохнуть и заплакала от огорчения. И это головокружительная карьера? Путь к славе? Незавидный и страшный путь!..

Роззи была очень легко одета для своего птичьего положения. Утренний холодок заставил ее ежиться и прятать голые руки под серебряный жилетик. Но взошло солнце, и она согрелась. Город внизу ожил, и даже на эту высоту поднимался гул.

Осмотревшись и немного по привыкнув к своей площадке, Роззи рискнула подползти к самому краю и заглянуть вниз. Боже мой! Страшное головокружение чуть не разорвало ее сердечка! Она отпрянула назад и больше не повторяла своей попытки.

Однако надо же как-то сообщить о себе людям! Но у нее не было ни бумаги, ни карандаша... Хотя карандаш был! — золоченая палочка с пурпурным язычком губной помады, спрятанная вместе с зеркальцем за корсажем.

Но на чем писать? А туфелька, легонькая атласная туфелька с белым подкладом!

Роззи разломала золоченую палочку пополам и написала:

«Меня ночью Мэн высадил с самолета на башню собора.»

Спасите меня, мне здесь страшно!

Роззи Стар из театра «Люкс».

Атласная туфелька с шелковыми ленточками, как голубь, ринулась вниз.

Мальчишка-чистильщик, сверкая голыми пятками, бежал по улице. На его боку болтался ящичек с ваксой и щетками. Он спешил на главную улицу чистить ботинки многочисленным служащим, идущим на работу.

Вдруг прямо на его голову свалилась хорошенькая туфелька с ленточками! Мальчишка остановился и задрал голову вверх. Но он не увидел ничего особенного. Он сунул туфельку за пазуху и побежал дальше.

А Роззи? Она по-прежнему сидела на своей площадке и от безделья рассматривала свое лицо в зеркальце. Потом подкрасила губы, поправила прическу.

Но слава все не приходила. Роззи рассеяно вертела в руках зеркальце и заметила, как солнечный зайчик запрыгал по ее ногам. Она направила этот солнечный лучик на окна одного из зданий. Ей было видно, как вспыхивали стекла от солнечных бликов, и радовалась этой забаве...

Солнечный зайчик заскочил в открытое окно редактора отдела информации столичной газеты «Новости». Редактор поморщился и взглянул в окно: кто там шутит? К своему удивлению, он заметил, что зайчик прыгнул к нему с башни собора.

Вооружившись мощным биноклем из реквизиторской комнаты редакции, редактор стал всматриваться в «логово» солнечного зайчика.

— Да ведь там человек, женщина! — недоуменно проговорил он. — Кропп, вам задание: немедленно узнайте, как она забралась на эту высоту, не сломав шеи? И что ей там надо? Сообщите все сведения мне лично через двадцать минут. Берите бинокль и убирайтесь!

Кропп стремглав вылетел из комнаты.

Между тем маленький чистильщик сапог сидел на углу и выстукивал щетками на ящике мотив веселой песенки.

Но вот из-за угла выскочил длинноногий человек в клетчатом костюме. Он остановился около чистильщика и, задрав голову вверх, стал в бинокль рассматривать башню собора.

— А я знаю, кто там сидит... — сказал мальчишка. — И знаю, кто ее туда посадил!

Человек в клетчатом моментально подскочил к нему.

— Скажи мне, я тебе заплачу! — он бросил монету.

Выложив все монеты из своих клетчатых брюк в руки мальчишки, Кропп узнал о Роззи и заполучил вещественное доказательство — атласную туфельку.

Шеф был очень взволнован полученными известиями. Сенсация! Взломщик Мэн, бежавший из центральной тюрьмы, выкинул новый трюк!

— Готовьте материал в экстренный выпуск, да побыстрее, пока нас не обскакали другие газеты! — крикнул он Кроппу.

Через час на всех улицах столицы газетчики продавали экстренный выпуск газеты «Новости». В ней огромными заголовками было написано:

**«НОВЫЙ ТРЮК МЭНА!!!»
«ПОХИЩЕНИЕ БАЛЕРИНЫ РОЗЗИ С КРЫШИ
ТЕАТРА «ЛЮКС» БАНДИТОМ МЭНОМ!!!»
«РОЗЗИ НА БАШНЕ СОБОРА!
УБЕДИТЕСЬ САМИ!!!»**

Радиокорпорация, прервав на полуслове выступление какого-то политика, также передала в эфир известие об этом необычайном случае...

К двенадцати часам дня в район собора были посланы четыреста полисменов и автофургоны с громкоговорящими радиоустановками для регулирования движения машин и пешеходов, стремившихся поближе посмотреть на Роззи.

В магазинах города к трем часам дня покупатели расхватывали все бинокли и подзорные трубы. Оптика еще никогда не пользовалась таким огромным спросом.

А виновница этого огромного сборища людей и не подозревала, что она является объектом внимания. Она хотела пить, хотела есть, хотела спуститься на землю.

Но вот какой-то самолет описал несколько кругов вокруг собора. Потом он пролетел всего в нескольких метрах от Роззи и чуть не сбил ее с площадки вихрем воздуха, поднятого пропеллером. Человек с огромными стеклянными глазами сбросил с самолета пакет, упавший к ней прямо на колени.

— Еда! — обрадовалась Роззи, но, разорвав бумагу, увидела целую пачку толстых блокнотов и карандаши...

На листке первого блокнота крупными буквами было написано:

*«Роззи! Сейчас же напишите вашу автобиографию и историю похищения вас Мэном. Платим в 50 раз больше за каждую строку!
Редактор газеты «Новости».*

На других блокнотах писали представители различных фирм и компаний. Парфюмерная компания просила Роззи разрешить назвать ее именем губную помаду, которой была сделана надпись на туфельке.

Фирма, изготавливающая балетные туфельки, обещала большие деньги за лестный отзыв о своей продукции.

В один из блокнотов была вложена телеграмма из родного города, от директора театра «Люкс»:

«Просим принять роль героини нашем театре, взамен Аллы Кок, ответ ждем с нетерпением!»

Вот она слава! Вот она карьера!.. Но пустой желудок давал себя знать! Роззи на нескольких блокнотах написала:

«Я хочу кушать, хочу пить, хочу спать. Снимите меня отсюда, я боюсь!»

Хлопая крышками и треща страницами, блокноты полетели вниз. Там их с нетерпением ждали.

Но на последнем блокноте Роззи написала телеграмму в театр «Люкс»!

«Роль героини согласна немедленно после снятия с собора.

Роззи».

Этот блокнот она завязала ленточкой от второй туфли и бережно спустила вниз.

Наступали сумерки. Но с крыш небоскребов на Роззи направили несколько мощных прожекторов. Теперь она была ясно видна на своей площадке, сверкающая блестками серебряного жилетика.

При свете прожекторов она нацарапала на второй туфельке:

«Если есть на земле хоть один добрый человек, пусть он привяжет к этой нитке кусочек хлеба. Я умираю от голода!..»

После этого она стала распускать на себе трико и, привязав к нитке туфлю, осторожно спустила ее вниз.

Удивление зрителей, обладавших биноклями, было огромным! Они были поражены находчивостью этой девушки.

Наконец, Роззи почувствовала, что нитка сначала ослабла, а потом ее кто-то тихонько дернул. Роззи стала осторожно поднимать свою паутинку, радуясь, что на ее конце висит какой-то груз.

— Это кусок курицы! Или плитка шоколада! А может быть, и мягкая сладкая булочка! — шептала Роззи.

Наконец сверток в ее руках! Роззи разрывает бумагу и видит коробку американских жевательных резинок!.. И опять проклятая надпись:

«Просим сообщить, понравились ли вам эти резинки и могут ли они утолить ваш голод? За благоприятный отзыв уплатим вам...»

— Звери вы, а не люди! — пронзительно закричала Роззи и швырнула вниз всю коробку с ниткой — единственной своей надеждой на кусок хлеба!

После этого она заплакала, легла на площадку лицом вниз и вскоре уснула крепким сном измученного, голодного человека, завоевавшего за один день популярность и славу во всей стране, но не получившего ни корочки хлеба!..

...А в это время Мэн и Джек, покуривая сигаретки, сидели на траве около геликоракетоплана на зеленой полянке далеко от столицы и слушали по радио, что карьера Роззи обеспечена. Она приобрела поистине «головокружительную известность».

Вечером они снова вылетели в столицу и при полном свете прожекторов, направленных на Роззи с небоскребов, осторожно перенесли ее в кабину.

Очевидно, их появления ждали: не успели они вылететь за пределы города, как заметили,

что их преследуют четыре военных истребителя. В то же время на их машине скрестились, как щупальцы, лучи нескольких мощных прожекторных установок.

— Выручай нас, черт и боги! — крикнул Джек и, прибавив подачу горючей смеси в ракетную установку, повел машину вверх. Истребители также взмыли в небо. На высоте восемнадцати тысяч метров преследователи отвалились в сторону и пошли на снижение...

Сонную Роззи положили на крышу того же театра, откуда она начала свое необычайное путешествие. Разбудив ничего не соображавшую девушку, Мэн пожал ей руку и сказал:

— Идите, Роззи, прямо к директору. Теперь вы более знамениты, чем Алла Кок!..

Через два дня имя новой героини не сходило с афиш театра, и популярность ее, как артистки, начавшей свою карьеру на башне собора, росла не по дням, а по часам!

5. Где атомные бомбы?

В стране началась подготовка к маневрам армии, морского флота и авиации с применением атомных бомб.

Джек рассказал Мэну, что его дядюшка, фабрикант атомных бомб, последние дни очень озабочен ходом подготовки взрывателей к двенадцати бомбам, которые будут сброшены во время маневров над пустынями, горами и морями соседних стран.

— А где же теперь эти бомбы? — спросил Мэн.

— Их перевезли в специальное хранилище, в подземный сейф, в какой-то малонаселенный район. Дядя ездил туда на машине. Он говорит, что все двенадцать взрывателей уже винтили в корпус бомб. Это место здорово засекречено, и его охраняют специальные военные части.

— Интересно посмотреть, как выглядят эти страшные атомные пугала? — проговорил Мэн, постукивая пальцами по столу и зевая. — А что там за сейф! — с любопытством профессионала спросил он.

— О, это целое сооружение! — ответил Джек. — Я сам видел фотографии, сделанные дядей. Сам сейф скрыт под землей, а его стальная дверь открывается тремя разными ключами одновременно.

— А у кого же ключи?

— Один ключ у дядюшки, второй у генерала — представителя министерства обороны, который, кстати, гостит сейчас у нас на вилле, дожидаясь команды о дне выдачи атомных бомб...

— Ну, а где же третий? — спросил Мэн.

— Третий ключ находится у какого-то полковника Скотта — начальника охраны сейфа... Да ты уж не собираешься ли стащить атомные бомбы? — засмеявшись, спросил Джек.

— На кой они нам черт! — ответил Мэн.

Он подошел к окну и сквозь штору увидел двух мужчин, идущих по дорожке около виллы.

— Кто этот военный, с которым гуляет твой дядя? — спросил он Джека.

— А это и есть тот самый генерал, о котором я сейчас тебе говорил.

Фабрикант и человек в военной форме сели на скамью, как раз под окном. Их разговор был довольно ясно слышен Мэну и Джеку.

— Я вас прошу учесть, — говорил генерал, —

что взрыватели бомб должны сработать абсолютно точно. Вы сами понимаете, что эти маневры будут иметь огромное психологическое воздействие на все страны. И, если хоть одна бомба не взорвется, получится скандал, и виноваты будут в этом ваши заводы, поставившие нам взрыватели.

Мэн и Джек затаили дыхание и подошли вплотную к окну, с интересом прислушиваясь к беседе.

— Я вполне уверен в своей продукции и спокоен за работу взрывателей. Они действуют безупречно! — отвечал фабрикант.

— А как вы думаете, — спросил генерал, — местонахождение сейфа никто из посторонних не знает?

— Мне кажется, никто! Я говорил об этом месте только одному человеку — члену правительства Коркланду. Но это абсолютно надежный человек! Он не выдаст.

— Пожалуй, вы правы! — согласился генерал и вместе с собеседником скрылся в дверях виллы.

Джек покачал головой и сказал:

— Ну, уж и нашли надежного человека!..

— А ведь неплохо было бы стянуть из-под носа у военных властей эти атомные бомбы! Особенно теперь, когда в них ввернули взрыватели! — воскликнул Мэн.

Джек недоуменно смотрел на него.

— Что ты на меня так уставился? Именно вот теперь-то я и намерен выкрасть эти конфетки! Если правительство заявляет, что, обладая атомными бомбами, страна станет властелином мира, то и мы с тобой, стянув эти погрешушки, сможем заявить: мы — властелины страны... Нам теперь важно их украсть, а потом мы решим, как поступать дальше!

— Но ведь ты не знаешь даже, где они спрятаны, — сказал Джек.

— В таком случае надо взяться за Коркланда, — предложил Мэн.

— Согласен, — ответил Джек. — Но Коркланда здесь нет. Он отплыл на теплоходе «Великий» к соседям...

— Жаль! — вздохнул Мэн. — Но и здесь есть выход! — вновь оживился он. — Мы его догоним в океане. Недаром у нас есть прекрасная машина — геликоракетоплан!

Мэн и Джек в этот же вечер приехали на ферму, сели в кабину геликоракетоплана и поднялись на воздух.

— Ну, приятель, теперь жми во все лопатки! — крикнул Мэн, задраивая окна кабины.

Через несколько часов геликоракетоплан снизился над океаном до высоты в шесть тысяч метров. Джек заметил, что на экране радиолокационной установки появилось какое-то зеленоватое пятно. Переключив ракетный двигатель на геликоптер и спускаясь все ниже и ниже он рассмотрел очертания громадного корабля.

— Алло! Вставай! — крикнул он Мэну, сладко храпевшему в подвесном гамаке. — Это, похожему, «Великий» под нами!

Внизу плыл новейший теплоход, спущенный на воду всего два месяца тому назад. Громадный пассажирский корабль был ярко иллюминирован разноцветными огнями.

— Вот на этой самой посудине и плывет обиженный тобой член правительства Коркланд! — сказал Джек.

— Прекрасно! — ответил Мэн. — Но что он собирается делать за границей?

— Его миссия весьма оригинальна: он должен уговорить соседей закупить у нас мясные консервы с горохом.

— Но как же попасть на теплоход? — задумался Мэн.

— Давай сбросим впереди корабля бенгальские огни на воду, — предложил Джек. — Все, кто есть на палубе, кинутся на нос теплохода смотреть на такое необычайное зрелище, а мы...

— А мы, — перебил его Мэн, — залетим в это время с кормы?

Так и было сделано. Когда зажженные голубые ракеты, к удивлению пассажиров и команды корабля, закачались на океанских волнах, геликоракетоплан описал в воздухе круг и залетел никем не замеченный с кормы, опускаясь к самой палубе.

Мэн сунул в карман заряженную, похожую на пистолет, ракетницу и, когда палуба находилась от него всего метрах в двух, легко прыгнул вниз. Джек поднялся над теплоходом, немного отстал и летел сзади, как бы конвоируя его.

Верхняя палуба на корме была пустыня.

Мэн, убедившись что его появления никто не заметил, позвал к себе слугу-мальчишку.

— Узнай, какую каюту занимает член правительства Коркланд, — приказал он ему и сунул пару монет. Мальчишка спрятал монеты за щеку и мгновенно скрылся.

Мэн прислонился к косяку дверей салона и равнодушно смотрел на подпрыгивающих танцоров, освещенных лучами цветных прожекторов. Мальчишка скоро вернулся и сообщил:

— Коркланд занимает номер 24 из трех комнат, с двумя ванными, восемь ковров...

— Проведи-ка меня туда! — Мэн подкрепил свой приказ еще несколькими монетами. У двери с номером 24 Мэн отпустил своего малолетнего соучастника и постучал.

— Кто там? — послышался заспанный голос.

— Я слуга ваших кают. Меня послала ваша супруга с собачкой. Она внезапно заболела. Откройте!

— Кто заболел, собачка или жена? — спросил Коркланд, заранее радуясь и тому и другому случаю. Он открыл дверь. Мэн быстро вошел в каюту и запер ее на ключ.

— Опять фы?! — попятился Коркланд. — Что фам еще от меня нушно?!

— Не пугайтесь! — ответил Мэн. — Я специально зашел сюда, желая засвидетельствовать вам свое уважение! Но почему вы так странно сегодня говорите? От страха? А... мне все понятно!

Он увидел на столике у кровати в соседней комнате две челюсти с золотыми зубами, погруженные в стакан с водой.

— Какую новую аферу вы собираетесь проводить? Сорвалось на танках — зарабатываете на тухлых консервах? — тоном прокурора допрашивал Мэн испуганного члена правительства. — И вам не стыдно заниматься такими делами? Ведь вы конфузите своими гнусными поступками нашу страну!

Коркланд повалился в кресло. Мэн покосился на него: уж не удар ли опять?

— И вы думаете, что ваше обычное красноречие поможет вам оболгать наивных людей? Уверю вас, что на этот раз вы не произнесете и десятка вразумительных слов! — продолжал Мэн. — И я сейчас докажу вам это!

Он решительно прошел в спальную комнату,

выплеснул из стакана воду и положил обе челюсти члена правительства в карман своих брюк.

Коркланд мгновенно взвесил в уме все последствия этого поступка и взмолился:

— Мэн, пошалайте! Не шабирайте мои жубы. Возьмите лучше чаши, в них больше золота!

— Вы меня оскорбляете, — возмутился Мэн. — Я не мелкий жулик! Я такой же бизнесмен, как и вы, даже почише!

— Но теперь фы подрываєте прештиш нашегo правительства! Я не смогу выступить...

— О!.. Это правительство я очень хорошо знаю! — ответил Мэн. — Его суды приговорили меня в общей сложности к девяностo пяти годам тюрьмы и сорока годам каторги!

В это время в дверь постучали.

— Не открывайте! — предупредил Мэн и вытащил из кармана свою ракетницу.

— Открой скорее, это я! — послышался нетерпеливый голос жены Коркланда.

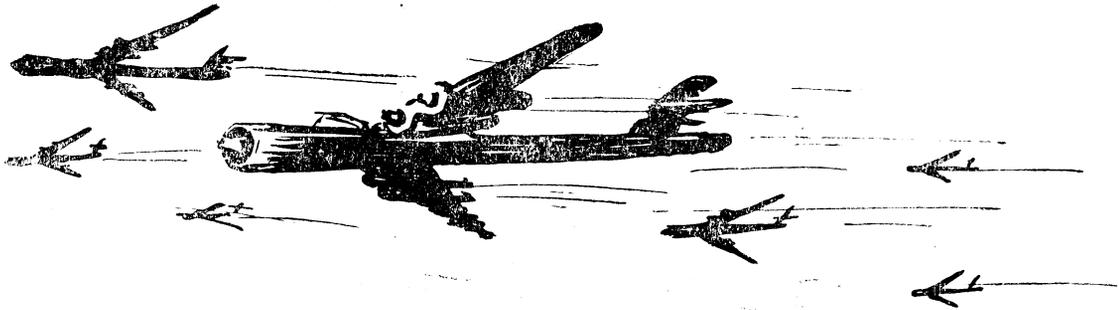
— Милая, я не могу тебе открыть! — ответил Коркланд.

— Ах, так у тебя кто-то есть? — и она, истерически взвизгивая, принялась колотить в дверь руками.

— Одну минуту! Если вам дорога жизнь... — угрожающе произнес Мэн, поднимая ракетницу. Бледный Коркланд грохнулся на колени.

— Не штреляйте, пошалайте меня! — умоляюще, прижимая руки к сердцу, бормотал он.

— Где хранятся атомные бомбы? — с расстановкой сурово спросил Мэн и щелкнул взвонившим курком.

— На юге, около Соленого озера... — и Коркланд подробно рассказал, где и как хранятся атомные бомбы.

Мэн повторил все для памяти и опустил ракетницу.

— Теперь вы свободны. Делайте, что хотите!

Не желая участвовать в семейном скандале, Мэн подошел к иллюминатору, открыл его и выбросился в теплые океанские волны. Темная масса гигантского теплохода, сверкая огнями, быстро проплыла мимо него.

Беззубый Коркланд, оставленный на растерзание собственной супруги, увидев, что ужасный человек исчез, поспешил открыть дверь разъяренной жене.

Жена стремительно кинулась в комнаты искать мнимых соперниц, а Коркланд схватил телефонную трубку:

— Гошподин капитан? Говорит Коркланд... На корабле плыв Мэн. Да тот шамый. Прекрасная реклама? Еще бы, гошподин капитан!... Но он выброшился сейчаш иш моей каюты в воду!

— Какое несчастье! — воскликнул капитан. И Коркланд услышал, как в трубке телефона раздавалась команда: «Машины стоп! Человек за бортом! Три шлюпки в воду!»

Пассажиры, взволнованные внезапной остановкой, бегом матросов и спуском шлюпок, испуганно столпились на корме теплохода. В это время где-то позади, казалось, из самых глубин океана, взвилась к небу зеленая сигнальная ракета.

Капитан успокаивал пассажиров:

— Господа, прошу вас не волноваться. Остановка теплохода вызвана тем, что в воду бросился Мэн, взломщик сейфов, который плыл вместе с нами.

— Мэн! Мэн! — раздались возгласы в толпе. — Ах, как это интересно! Ведь он же знаменитость!..

Одна дама требовала, чтобы Мэна обязательно спасли:

— Пусть он завтра сядет за стол капитана и во время обеда расскажет нам о своих приключениях!

Между тем Мэн, плавая, как рыба, в воде, к своему неудовольствию заметил приближение трех шлюпок, направленных с теплохода для его поисков.

— Черт возьми, еще спасут! Где же Джек?..

Одна из шлюпок уже приблизилась, и сидящий в ней матрос протянул Мэну руку. Но «утопающий» нырнул и через минуту показился в

другом месте. С беспокойством он увидел, что матрос взял длинный багор с острым крючком на конце.

— Вытащат, как селедку, из воды! — с досадой пробормотал Мэн.

Но в это время перед ним появилась черная масса геликоракетоплана. Шлюпки враспыльную кинулись прочь от этого места. Мэн схватился за веревочную лестницу и забрался вверх, подхватив заботливыми руками Джека.

Мэн моментально разделся, натерся махровым полотенцем и выпил стакан коньяку.

— Все в порядке! — крикнул он. — Теперь можно действовать.

Геликоракетоплан выпустил в сторону теплохода цветные ракеты и, низко промчавшись над его мачтами, взял обратный курс...

6. Бомбы украдены

Место, где хранились атомные бомбы, было известно. Мэн и Джек отыскивали на карте Соленое озеро и местечко, о котором рассказал Коркланд.

— Теперь бомбы будут наши! — радовался Мэн. — Давай приниматься за работу.

Джек Кремер до этого держался в тени, скромно уступая пальму первенства во всех делах Мэну. Теперь же и он выходил на самостоятельную дорогу, и от его умения, смелости и ловкости зависел успех предприятия — кражи атомных бомб из стального подземного хранилища, построенного его собственным родственником.

Ночью Джек пробрался в спальную комнату дяди и вытащил у него из-под подушки ключ от домашнего сейфа. Пройдя в кабинет фабриканта, он отключил провода электрической сигнализации и открыл стальную дверь. Ключ представителя военного министерства лежал здесь же, вместе с ключом дяди. Вот это удача!

Джек, помня уроки Мэна, достал из кармана кусок мастики, снял с обоих ключей отпечатки. После этого он положил их на старое место, закрыл сейф и, присоединив проволоку сигнализации, унес ключ от домашнего сейфа в комнату дядюшки.

Весь следующий день Мэн, уехав на ферму, строгал, пилил и вытачивал точные копии двух ключей от атомного хранилища. Заправив геликоракетоплан горючим и продуктами, вечером того же дня заговорщики полетели к Соленому озеру.

За несколько километров до места посадки Джек начал рассеивать в воздухе специальную металлическую пыль, чтобы парализовать работу

радиолокационных установок, имеющих у охраны сейфа.

Место посадки авиаторы определили по вспышкам прожекторов, периодически освещавших песчаный холм. Между каждой такой вспышкой проходило 30—40 секунд. Этого времени вполне хватило, чтобы геликоракетоплан, подобно коршуну, ринулся вниз и сел в нескольких метрах от стальной двери.

Посадка была такой стремительной, что часовой, стоявший у сейфа под брезентовым козырьком, растерялся и не успел подать сигнала тревоги. Мэн быстро выпрыгнул на землю из кабины и наставил на солдата пистолет. Часовой бросил автомат и поднял руки вверх.

— Прекрасно, голубчик! Никому не хочется умирать, ты чертовски прав! — похвалил его Мэн и ловко скрутил по рукам и ногам веревкой.

— Теперь ты лежи спокойно и посмотри на нашу работу! — добавил он, оттаскивая солдата от сигнальной кнопки и укладывая на землю.

Джек открыл ключами два внутренних замка сейфа, а третьим занялся Мэн, применивший все свое умение и заранее приготовленный инструмент. Через несколько минут дверь хранилища была вскрыта...

— Ну-с, первая половина дела выполнена. Примемся за вторую! — сказал возбужденно Мэн, потирая от радости руки.

Пологая, выложенная стальными плитами по стенам и потолку, наклонная шахта уходила вниз. Джек, гордясь своей осведомленностью, нажал на одну из многочисленных кнопок, расположенных на специальном щитке у стенки шахты. Ровно через тридцать секунд, по рельсам, на особой тележке к ним из глубины поднялась первая атомная бомба...

— Здорово устроено! — сказал Мэн. Он нерешительно почесал затылок, но потом махнул рукой и, взвалив бомбу на плечо, как полено, потащил ее в геликоракетоплан.

Когда семь бомб уже были уложены Джеком на покрытый войлоком пол кабины, а Мэн нес восьмую, он заметил, что по дороге к сейфу мчит на машине, поднимая белую пыль, какой-то человек в военной форме. Это был полковник Скотт, получивший в своем кабинете сигнал фотоэлемента об открытии двери хранилища.

— Как вы сюда попали?! — заорал Скотт, выхватывая автоматический пистолет и целясь в Мэна.

— Осторожней, полковник, ваша рука дрожит, не попадите в бомбу! — предупредил его Мэн. — Хотя, если вы влетите пулю в меня, я все равно уроню эту хлопушку! Надеюсь, вас не вполне устраивает перспектива быть взорванным?

Полковник опустил руку с пистолетом.

— Но что вам здесь надо?! — кричал он.

— Я решил перевезти эти штуки в другое место и под более надежную охрану!

Полковник взмолился:

— Подумайте, что будет со мной! Меня расстреляют, посадят на электрический стул!

Полковник не был особенно храбр. Он думал лишь об одном: как открутиться от ответственности за исчезновение атомных бомб?

— Кто мне поверит, что какой-то дьявол спустился с неба и обчистил этот сейф? — бесновался Скотт. — Ведь у меня четыреста человек охраны, кругом расставлены пулеметы, зенитки, танки!.. Все скажут, что я продал бомбы большевикам!..

— Не беспокойтесь, полковник, я вам дам расписку!

— На кой черт мне ваша бумажонка! — продолжал кричать Скотт.

— Эй, приятель! Поддержи-ка бомбу! — спокойно сказал Мэн Джеку. — Да не убирай ее далеко. Может, еще придется стукнуть по голове одного назойливого джентльмена!

Джек высунулся в двери кабины и принял бомбу. На листке блокнота Мэн написал:

«Расписка.»

Я, Мэн, действительно получил от полковника Скотта 12 (двенадцать) атомных бомб для производства психологических экспериментов.»

Мэн намазал карандашом подушечку большого пальца и приложил ее к документу.

— Не смущайтесь, полковник, этому отпечатку. Он надежней любой печати. Его знают во всех уголовных бюро полицейских управлений крупнейших стран. Тут уж подделки быть не может!.. А теперь, пока вы читаете, я с вашего разрешения перенесу и последние четыре бомбы...

Через несколько минут работа по укладке была закончена, и Мэн, закрывая двери кабины, сказал:

— Прощайте, полковник Скотт! Передайте вашим подчиненным, чтобы они не вздумали стрелять в нас, если сами не хотят погибнуть от этой начинки!..

Поднявшись в воздух, Мэн и Джек увидели, как в серебряной дымке рассвета над сейфом снижаются один за другим двенадцать скоростных бомбардировщиков, прилетевших за атомными бомбами.

Надо было срочно уходить от этого места! Джек включил ракетные установки, думая набрать высоту, не достигаемую для других самолетов. Но геликоптероплан был слишком отягощен своим смертоносным грузом и поэтому не мог подняться выше трех тысяч метров. Преследователей пока не было видно: очевидно, полковник Скотт еще не решился сообщить о похищении или уговорил летчиков отказаться от опасного преследования.

— Что же мы будем делать с этим бараклом? — задумчиво произнес Мэн, осторожно пиная бомбу ногой.

— Ума не приложу! — ответил Джек, неодобрительно поглядывая на бомбы. — Ни спрячешь их, ни бросишь, не дай бог — еще где-нибудь стукнемся с ними о землю...

— Лети к океану, там что-нибудь придумаем. Может, сядем на какой-нибудь заброшенный островок, — махнул рукой Мэн.

Однако стоило им удалиться от береговой линии на несколько десятков километров, как они заметили, что звено реактивных истребителей летит развернутым строем вслед за ними.

— Нам не скрыться от них с нашим балластом! — встревоженно сказал Джек.

Истребители пронеслись над их головой, сделали разворот и с высоты до пяти тысяч метров стали обстреливать их из пушек и пулеметов. Ближе к своей мишени они подлетать не рисковали.

— Спускайся к самой воде, включай геликоптер! — закричал Мэн. — Ты посмотри вниз, ведь там сплошная пелена тумана!

Джек переключил рычаги, и геликоптероплан, как камень, полетел вниз и скрылся в тумане, исчезнув из глаз своих преследователей...

7. Столпотворение в столице

В столице в 10 часов 35 минут утра состоялось экстренное, сверхсекретное совещание главы правительства с министром обороны и начальником объединенного штаба. Из комнаты, где они находились, были удалены все секретари, советники, а тем более корреспонденты, как самый болтливый народ. Дверь караулили личные телохранители главы правительства.

— Какой позор! Растроубили всему миру о небывалых маневрах с применением атомных бомб! И вдруг — полный провал!.. — бесновался глава правительства. — Этого Мэна надо немедленно схватить живьем и четвертовать, посадить на кол, выжечь глаза, вырвать ему язык!.. А маневры прекратить!..

Во всей стране все были чрезвычайно поражены решением сверхсекретного совещания. Даже самые приближенные к правительству люди, недоумевая, разводили руками и не могли дать газетчикам никаких сведений о причинах отмены Больших маневров. Кружная военная игра, которую в течение ряда многих месяцев подготов-

лял военный штаб вместе со своими союзниками, рассчитанная на крупнейший международный эффект, сорвалась и лопнула, как мыльный пузырь!

Однако шила в мешке не утаишь. Особенно, когда речь идет об атомных бомбах, да еще в количестве двенадцати штук!

На следующий день после секретного совещания в четырех крупных газетах появились коротенькие заметки. В них сообщалось, что, по непроверенным данным, Большие военные маневры отменены из-за кражи атомных бомб не кем иным, как знаменитым взломщиком Мэном... Редакторы этих газет были немедленно привлечены к суду и обложены огромным штрафом за публикацию «непроверенной информации».

Сотни военных самолетов были подняты на воздух с заданием обнаружить странную летающую машину Мэна. Радиолокационные установки и звукоуловители на всех границах настороженно следили за воздухом. Но геликоптероплан больше не появлялся.

Так прошло шесть тревожных и томительных дней... В ночь на седьмые сутки на стол главы правительства неизвестным лицом была подброшена листовка, отпечатанная на пишущей машинке. В ней было написано следующее:

«Мэн сообщает, что из двенадцати атомных бомб, взятых из сейфа у полковника Скотта, двумя бомбами заминированы два города. У каждой бомбы имеется свой радиовзрыватель, управляемый на расстоянии из скрытого места. У пульта управления взрывателями все время дежурят мои друзья... Что мне делать с остальными десятью бомбами — я еще не решил... Прошу указанные факты принять во внимание и довести до сведения ваших граждан!

С почтением Мэн».

А внизу красовался отпечаток пальца, поставленный с искусством закоренелого «специалиста».

Подобные же листовки были обнаружены в кабинетах других государственных деятелей.

В тот же день выяснилось, что Мэн не скупится в вопросах информации и не держит в секрете сведений о своих трофеях. Он разместил в редакциях нескольких крупных газет свои послания. А газеты, спеша донести полученную сенсацию до читателя, опубликовали в печати полный текст листовок.

Затем было получено еще одно послание от Мэна:

«Рекомендую не позднее десяти часов утра выпустить на свободу всех заключенных (кроме убийц) из всех тюрем страны. Охрану оставить на своих местах, а в тюрьме «Центральная» рыжего Фукса посадить в камеру № 213. При задержке в выполнении моей просьбы, буду вынужден пробовать действие бомб, замурованных в указанных ранее городах.

Мэн».

Этой же ночью десятки тысяч людей вышли из страшных казематов. Тут были и мелкие карманники, и крупные рецидивисты, и политические деятели.

И только утренние газеты объяснили причину такой странной и небывалой «амнистии». Кроме того, оказалось, что жители двух городов безмятежно спали, ничего не подозревая, на атомных бомбах!.. И эти бомбы могли превратить их в лужу секунду в пыль и прах...

Реакция на газетные сообщения получилась огромная.

Первым со своей виллы ринулся в панике сам «король атомов» дядюшка Джека с супругой, забыв и о своих тюльпанах, и о своей стильной мебели. А о племяннице он и не вспомнил... Его лимузин первым промчался со скоростью пожарной команды и скрылся из глаз...

Центральные кварталы выбранных Мэном двух крупных городов, где были размещены торговые и промышленные учреждения и где находились особняки и квартиры наиболее состоятельных жителей, быстро опустели. Тысячи автомобилей, автобусов, мотоциклов, велосипедов и просто пешеходов устремились по всем направлениям. На всех дорогах и перекрестках создавались «пробки». Редкие полицейские, сохранявшие пока некоторую долю самообладания, безуспешно пытались восстановить порядок. Но огромного количества аварий они предотвратить не могли. Десятки раздавленных и искалеченных автомашинами людей валялись у обочин дороги. Громко кричали дети, потерявшие своих родителей.

Еще более страшные картины можно было увидеть на набережных залива, где сосредоточены причалы пароходов. Люди бросались на палубы судов и переполняли их до такой степени, что пароходы и паромы не могли даже отойти от пристаней и тут же тонули.

К вечеру поток беглецов начал иссякать. Жителей в центральных районах городов почти не осталось. Но — странное дело! — на окраинах, где жили рабочие, моряки и просто неимущие люди, было сравнительно спокойно. Жители окраин не волновались, не спасались бегством из своих насиженных гнезд. Они молча смотрели на катившиеся в течение целого дня мимо их кварталов толпы богатых беглецов.

Ночью в комнату к лежащему в постели с холодным компрессом на голове главе правительства вошел его секретарь.

— Прошу меня извинить, но я не мог ждать утра: опять «послание» от Мэна!

Глава правительства вскопчил с постели, надел очки и, нагнувшись к настольной лампе, прочел новую депешу Мэна, адресованную уже лично ему.

Мэн сообщал, что еще под четыре города заложены атомные бомбы.

Кроме того, обнаглевший Мэн требовал, чтобы в два дня ему передали дворец одного из финансовых магнатов, расположенный в предместьях столицы.

— Нахал! Каков нахал! — крикнул побагровевший от возмущения глава правительства. — Но — черт его заберит! — пара дней — срок небольшой!.. Помогите-ка мне одеться! Надо действовать... Теперь он нам диктует...

8. Паника в городах

Чрезвычайная комиссия, созданная специально для разработки и проведения экстренных мероприятий по ликвидации паники в стране, была поставлена в тупик.

Если раньше, после первого ультиматума Мэна, требовавшего освобождения заключенных из тюрем, все члены комиссии считали его просто обычным крупным преступником, стремившимся выпустить на свободу своих друзей по

ремеслу, то теперь, после второго послания, мнение комиссии начало колебаться.

Некоторые утверждали, что Мэн, как был бандитом, так им и остался. Другая же половина членов Чрезвычайной комиссии считала, что коммунистическая партия подкупила Мэна и использует его атомные бомбы для своих революционных целей и захвата власти в стране.

После долгих споров и обсуждений комиссия решила рекомендовать главе правительства обратиться к Мэну с предложением организовать личную встречу для выяснения претензий Мэна и урегулирования создавшегося в стране положения. Кроме того, рекомендовалось обратиться к крупнейшим финансовым и промышленным деятелям страны с просьбой о выделении крупных денежных средств для выкупа атомных бомб у Мэна.

Во время обсуждения и принятия этих решений в Чрезвычайную комиссию поступали все новые и новые сведения об огромной панике, охватившей четыре крупных города, после сообщения по радио о том, что под них подложены атомные бомбы.

По распоряжению Чрезвычайной комиссии в места, указанные в посланиях Мэна, были направлены военно-инженерные войска с задачей обследовать все кварталы, найти атомные бомбы и обезвредить их. Однако ни одна из воинских частей не смогла пробиться сквозь сплошной поток машин и людей, несущийся с огромной скоростью по всем дорогам из опасных городов. Но, скорее всего, военные при приближении к своей цели заразились паникой беглецов и так же, как и они, не хотели рисковать своей жизнью. Войска возвратились ни с чем.

Глава правительства выступил по радио. Он обращался к гражданам шести подвергшихся опасности городов с призывом соблюдать присутствие духа и хладнокровие.

— Необходимо немедленно вернуться в свои квартиры и не нарушать обычного распорядка спокойной жизни. Бог нам поможет! — говорил он. — Правительство сделает все возможное и пойдет на любые уступки, лишь бы уговорить Мэна выдать атомные бомбы военным властям.

В конце своего обращения глава правительства просил Мэна сообщить ему о возможности личной встречи для обсуждения вопроса о возврате атомных бомб.

Мэн молчал два дня. На третий день глава правительства получил письмо. Мэн сообщал, что согласен встретиться, и назначил день — ближайшую пятницу.

Кроме того, он сообщал, что у него осталась одна бомба. Остальные подложены под города.

В пятницу утром в доме правительства собрались хозяева страны — крупнейшие магнаты, являвшиеся диктаторами политической и экономической жизни, определявшие все, начиная от кандидатуры главы или членов правительства до цены яйца или стакана томатного соку.

Изгнанные из своих дворцов ужасной мыслью о возможном взрыве атомных бомб и бросившие на произвол судьбы свои банки, тресты, заводы и фабрики, потеряв свое могущество и силу, они обступили бледного главу правительства и требовали принятия экстраординарных мер. Одни советовали немедленно уничтожить Мэна, другие предлагали огромные суммы денег, чтобы скорее вынуть атомные бомбы.

— Господа, прошу успокоиться!— глава правительства посмотрел на часы.— Скоро мне должен позвонить по телефону Мэн. Все будет зависеть от разговора с ним. Если мы купим у него бомбы, то, уверяю вас, порядок в стране мы наведем в неделю. Прошу вас не волноваться и доверить мне судьбу страны в эти страшные для всех нас роковые дни...

Утомленные миллиардеры стали ждать звонка. Вошел секретарь:

— Мэн у телефона!

Глава правительства быстро вышел в соседнюю комнату к аппарату. Все насторожились. В комнате царило молчание. Дым сигар и трубок тянулся вверх и разбивался о крылья электрического вентилятора. Наконец глава правительства вернулся. Все окружили его, засыпая вопросами:

— Ну, как, что сказал этот бандит?

— Он согласен?

Глава правительства был раздражен.

— Этот бандит не так прост, как мы думали, и умышленно затягивает встречу. Теперь он, видите ли, занят оборудованием своего собственного дворца. Какое нахал!..

— Все это хорошо,— воскликнул один из миллиардеров Меллон,— но мы не можем больше ждать! Если он не хочет ехать сюда, то я поеду к нему сам и добьюсь приема!..

9. Дворец-крепость

Мэн переехал в собственный дворец, любезно подаренный ему магнатами и правительством. Это зеленоватое гранитное здание, расположенное в живописней местности, более походило всей архитектурой на неприступную крепость. Окруженное двумя озерами, оно возвышалось, как замок, на серой скале. Узкая асфальтированная дорога проходила между озерами и упиралась в массивные ворота ограды. Их тщательно охраняли вооруженные до зубов люди, днем и ночью стерегущие жилище вновь испеченного миллиардера и диктатора.

Если судить по количеству стражников и пулеметов, спрятанных за выступами дверей и оконных ниш, то этот загородный дворец был неприступен, как тюрьма «Центральная».

Разница заключалась в том, что охрана знаменитой тюрьмы следила, чтобы никто не вырвался за ее пределы, здесь же, наоборот, все усилия были направлены, чтобы ни одна живая душа не пробралась внутрь дворца-крепости.

Мэн был от природы труслив и, несмотря на свое приобретенное могущество, все время боялся ареста.

На случай возможного бегства под дном обоих озер были проложены подземные ходы, кончающиеся в густом буковом парке. Они также усиленно охранялись. Надо сказать, что лучшей охраны Мэн подобрать бы и не смог: она состояла из полутора сотен самых отвязанных головорезов и бандитов, выпущенных из рук правосудия под защиту и покровительство Мэна. Весь штат прислуги был слепо предан Мэну, и он чувствовал себя в их среде, как волк, попавший в волчью стаю.

Мэн принимал посетителей.

Только что из его кабинета ушел инспектор тюрем. Он приходил за указаниями в отношении Фукса. Мэн приказал ежедневно пороть Фукса его же плеткой.

Когда за инспектором закрылась дверь, Мэн спросил своего секретаря:

— Есть еще там кто-нибудь?

Секретарь быстро выдернул из кармана блокнот и почтительно доложил:

— К вам просятся на прием: композитор Хопланд, скульптор Моренго, профессор биологии Осидя, миллиардер Меллон...

— Ого! А этот зачем пожаловал?— удивился Мэн.— Ну, а еще кто?

— Еще есть профсоюзник, дама — патронеса собачьего приюта, изобретатель, мелкий карманник и бандит. Есть и член правительства, пожелавший скрыть свое имя.

— Так...— Мэн взял у секретаря блокнот, просмотрел запись и распорядился:

— Давайте сначала карманника и бандита: им ждать некогда, у них работа. Даму — гоните к собачьим чертям. Миллиардера проводите в мою картинную галерею, они картинки любят, пусть посмотрит. Остальных вводите по очереди, а нетерпеливых сдвиньте на самый конец!

— Но когда же вы посмотрите почту? Ведь сегодня приволокли минимум двести телеграмм и пятьсот писем!

— Чепуха!— ответил Мэн.— Там девяносто процентов просят автографа.

С карманником Мэн разговаривал недолго. Он просто велел кассиру выдать парню крупную сумму.

— Следующий!

На смену карманнику, распахнув дверь, вошел широкоплечий человек в грубошерстном костюме. Он смело подошел к столу, пожал руку Мэна и без приглашения опустился в кресло.

— Молодец, Мэн. Не забываешь коллег, не прячешься от нас, пустил к себе раньше всяких белоручек. Молодец!

Посетитель взял из коробки сигару, понюхал, откусил кончик и выплюнул на ковер.

— Так, значит, я к тебе по делу вот какому.— Он откашлялся, закурил и продолжал:— Сейчас мне от тебя ничего не надо. Я и сам себя пока прокормлю! Но вот стукнет мне 55—60 лет, и я скисну, согнусь, любой

паршивый полисменишко сгребет меня и засадит в клоповник. Вот тогда-то кто поможет мне и моей старухе? А разве я один такой? Да нас таких стариков бандитов-налетчиков по всей стране — сотни, тысячи!..

— Но что же ты предлагаешь? — недоумевая, спросил его Мэн.

— А ты сейчас поймешь! Собрались мы недавно человек двадцать и так решили: ты вышел из наших рядов, стал миллионером, ворочаешь всей страной. Установи-ка ты пенсию для всех уголовников, проработавших не менее 30 лет, включая сюда и отсидки в тюрьме. Что тебе стоит выделить на доброе дело миллиончик? А для нашего брата это будет вот какая поддержка! Почтище пособия безработным! Работа наша тяжелая, опасная, хуже, чем у водолазов. Неужто мы отдыха не заслужили?.. Да еще бы что-нибудь вроде кассы взаимопомощи для нашего брата на защитников, на подкуп судей. Ведь мы народ честный, не подведем, зря денег не попросим. Сами понимаем, что они у тебя трудовые!.. А еще бы что-нибудь вроде премии за самый смелый и ловкий в сезоне грабеж!.. Здорово?

— Да.. Это было бы здорово! — проговорил Мэн. — Хорошо. Я подумаю и дней через десяток тебе отвечу. Ну, будь здоров!

Композитор Хопланд вошел в кабинет с двумя футлярами в руках. В одном оказался патефон с усилителем, в другом — пластинки.

— Я написал оперу, замечательную оперу в современном вкусе! — захлебываясь от восторга и ероша на голове волосы, начал композитор. — Она называется «Его седьмая смерть!» Сейчас я вам ее проиграю.

— Нет, нет, подождите, — забеспокоился Мэн, — при чем же здесь я?

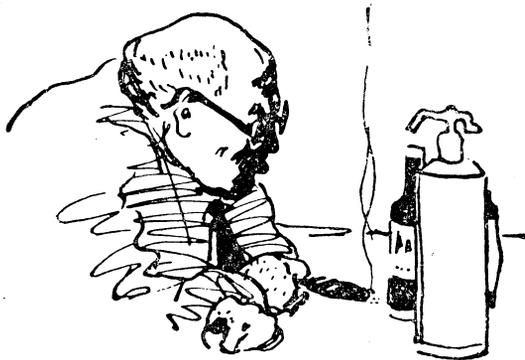
— Как при чем? Вы дадите мне право посвятить ее вам!.. Я понимаю, вы теперь заняты, но все же исполню хоть одну вещь... Вот хотя бы трио оживленных утопленников!

Не обращая внимания на тщетные протесты Мэна, Хопланд поставил большую пластинку и включил усилитель. Раздалось такое дикое пение, что даже лишенный самого элементарного музыкального слуха Мэн почувствовал приступ легкой тошноты. Композитор прижал руки к сердцу и в умилении закрыл глаза. Где-то за окном завывала сторожевая овчарка.

— Следующего! — вскрикнув с места и не вытерпев, заорал Мэн. — Хватит с меня воющих мертвецов!

Скульптор Моренго... Разложил перед Мэном на столе большой альбом, он начал свое гнусавое объяснение:

— Здесь вы видите снимки и зарисовки ста одиннадцати надгробных памятников-склепов, построенных мною. Все наиболее состоятельные и знаменитые люди пользовались моим талантом для создания достойных памятников своим усопшим родителям. У вас, насколько мне известно, родителей нет. И я хочу предложить вам, не откладывая в долгий ящик, немедленно приступить к созданию собственной гробницы-усыпальницы. Я ее спроектировал в виде стилизованной тюрьмы с проломленной решеткой, а наверху поместил вашу бронзовую фигуру, бодро смотрящую вперед и ввысь! Ваше тело будет погребено...

— Но ведь я еще не умер! Я не хочу умирать! Хватит! Гоните его! — закричал Мэн растерявшемуся могильщику высокопоставленных личностей.

В кабинет скользящей походкой вошел профсоюзный деятель, человек с лисьим лицом, скошенным назад лбом и лоснящимися, зализанными волосами. Он проглотил слюну и после приглашения примостился на краешек стула.

— Слушаю вас, — сурово сказал Мэн.

— Я к вам с жалобой на рабочих. Вы подумайте, они устраивают грандиозные забастовки, наши уговоры не помогают, предприятия стоят, а мы терпим колоссальные убытки!

— Понятно. Но что же могу сделать я? — заинтересовался Мэн.

— О, господин Мэн! В ваших руках сосредоточена колоссальная сила! Вы можете создать что-нибудь вроде резервной трудовой армии — легиона из уголовников, которых выпустили из тюрем по первому же вашему требованию. Тогда нам будут не страшны никакие забастовки: мы всегда сможем перебраться на любое предприятие тысячи ваших людей, которые не бояться ни черта, ни ладана! Кроме того, мы ваших легионеров натравим на рабочие комитеты, которые сейчас сидят у нас вот здесь! — Профсоюзник задрал вверх голову и показал на свое худое горло.

— Все это сделать можно. Но что в результате буду иметь я? — спросил Мэн.

— Как — что? Деньги! Громадные деньги! Любой фабрикант даст уйму денег за вашу помощь... Но вам нужен опытный организатор. Я к вашим услугам! Борьба с забастовками и рабочим движением — моя специальность!

Профсоюзный деятель вскочил на ноги и лакейски согнулся перед столом. Мэн задумчиво посмотрел на него и постучал карандашом в золотой оправе по сигарному ящику.

— Ваше предложение очень заманчиво, — сказал он. — Но я должен подумать о деталях. Оставьте секретарю свой адрес: когда понадобится, вас вызовут.

— Останетесь мною вполне довольны, хозяин! — почтительно проговорил профсоюзник и, угодливо пятясь к дверям, вышел из комнаты.

В кабинет быстро вошел член правительства... Кокланд!

— Это вы? Не может быть! Какими судьбами?— обрадовавшись, как старому приятелю, воскликнул Мэн.— Как вы живете?

— Благодарю вас, живу прекрасно!— ответил Коркланд.— Вот решил заглянуть к вам с визитом. Хотел посмотреть на вас в новой обстановке. Вы недурно устроились: и солидно, и уютно!.. А как ваше здоровье? Вы не простудились в холодной океанской воде?

— Нет, я чувствую себя великолепно!— смеясь, сказал Мэн.— Океанское купанье оказалось для меня весьма полезным... А как ваши зубы?..

— О, я теперь стал предусмотрителен! У меня всегда с собой имеется запасная пара челюстей!

При этих словах Коркланд вытащил из кармана коробочку и показал Мэну.

— Я очень рад,— продолжал Коркланд,— что смог оказаться вам полезным в вашей... в вашем деле с атомными бомбами! Судя по слухам, вы провели эту операцию совершенно блестяще. И, смотрите, какой масштаб!.. Одобряю, одобряю!

— Благодарю за сочувствие, но... чем могу быть я вам полезен?— спросил Мэн.

Улыбка сбежала с лица Коркланда, и он осторожно спросил:

— Нас никто здесь не слышит?

— Никто, говорите смело!

— Видите ли, моя супруга — очень умная и практичная женщина,— начал Коркланд.— Она уже давно долбит мне в голову мысль о разведении колорадских жуков!..

— Ну, а я-то тут при чем? На кой шут мне ваши жучки?— недоуменно спросил Мэн.

— У вас прекрасные организаторские способности и светлая голова!— невозмутимо продолжал Коркланд.— Вы умеете организовать серьезное дело. Вот я и хочу вам предложить создать грандиозные плантации, или инкубаторы, или черт знает, как их там зовут!.. Мы будем втихомолку разводить колорадских жучков, техасского червячка и калифорнийскую мошку! Занятие это на первый взгляд весьма безобидное, но прибыльное!..

— Но кому нужны эти козявки?— удивился Мэн.

— Об этом позаботится наш госдепартамент! Будет покупать у нас насекомых тоннами, сотнями тонн и вывозить в разные страны... Наши козявки, как вы их изволили назвать, сожрут за лето весь урожай хлеба и овощей в этих странах, и начнется небывалый голод. А тут-то выступим мы с «братской помощью» зерном и овощами! Колоссальные деньги загребем! И жучки будут сыты, а мы богаты! По-моему, неглупо...

— Да... ваша милая супруга, действительно и умная, и практичная женщина,— сказал Мэн.

Польщенный Коркланд с благодарностью поклонился.

Они дружески расстались, причем Коркланд обещал Мэну поддержку в правительстве всех его начинаний.

Мэн приказал секретарю отпустить всех ожидающих приема и пригласить в кабинет только одного миллиардера Меллона. Мэн встал и предупредительно встретил миллиардера на пороге комнаты.

— Простите, что заставил вас ждать!— сказал Мэн, пожимая руку миллиардера.

— О, я несколько не жалею о проведенное у вас время!— ответил Меллон, удобно устроившись в кожаном кресле.— Я осмотрел совершенно исключительную, единственную в мире коллекцию портретов преступников, собранную вами со всех концов света! Вы знаете, мне кажется, что многие из них обладали необыкновенно энергичными и мужественными лицами.

Мэн, польщенный похвалой миллиардера, улыбнулся и благодарно кивнул головой.

Собеседники замолчали, изредка взглядывая и изучая друг друга. Меллон был опытный делец, прекрасно разбирающийся в людях и их психологии. Но и Мэн не уступал ему в этом отношении. Он понимал, что Меллон приехал к нему не зря, и теперь, любезно посматривая на миллиардера, думал, что же тот может ему предложить и какой куш можно сорвать с этого денежного воротила? Лишь бы не торопиться и не продешевить!

Несколько минут прошло в полном молчании. Собеседники смотрели друг на друга или на голубоватые спиральи таявшего в воздухе сигарного дыма. Наконец, Меллон, придвинув кресло ближе к столу, заговорил первым.

— Я приехал к вам не только по собственной инициативе. На днях в Доме правительства состоялось совещание виднейших представителей промышленных и финансовых деятелей страны. И вот мы пришли к выводу, что в нашей стране за последние недели создалось исключительно опасное и тревожное положение. Даже больше — катастрофа!.. Вы подумайте сами: рабочие и беднейшие слои населения могут взбунтоваться, захватить власть. Нам нужен свой вождь — человек негибаемой воли, который не остановится для борьбы с коммунизмом ни перед взрывами городов, ни перед уничтожением населения. И этим вождем может быть, по нашему мнению, только один человек. Да, только один!

— Кто же?— спросил Мэн.

— Вы.

— Я?!— изумился Мэн.— Но какой же я вождь? Какой же я политик? Я не могу связать и двух слов, не то чтобы выдумывать и говорить речи. Нет, нет, для этой роли я не годюсь! Да и к чему мне такая обуза? Все это чепуха!

— Как чепуха?— вскопчил со своего кресла Меллон.— Вы не представляете, как вы сейчас популярны! В ваших руках сосредоточилась колоссальная сила, какой не обладал еще ни один человек в стране за всю ее историю! Вас теперь боятся и народ, и мы,— финансисты, и само правительство. Вы должны быть вождем и — баста!

Мэн откинулся на спинку кресла и полузакрыл глаза. Он выждал, когда Меллон успокоится, и холодно сказал:

— Меня не интересует судьба народа, меня не интересует судьба семей миллиардеров и судьба правительства. Я не политик, я ничего не понимаю в борьбе партий. Я хочу только денег. Как можно больше денег! Вам нужны мои бом-

бы? Извольте, я их продам. Но только давайте деньги вперед, наличными! Если я сторгуюсь с вами и с правительством и получу все, что мне будет положено, чистоганом, я немедленно избавлю города от атомной угрозы, а сам уеду.

Меллон встал.

— Когда же вы сможете встретиться с главой правительства, чтобы обсудить условия сдачи бомб?— спросил он Мэна.

— Я уже сказал об этом раньше: я приеду в пятницу!— протягивая гостю руку, проговорил Мэн.

— Да!— вспомнил Меллон,— стало известно, что вы жили на вилле «Уран» у фабриканта атомных бомб. Он потерял своего племянника Джека в ту ночь, когда вы похитили атомные бомбы. Все утверждают, что вы убили этого Джека!..

Мэн взглянул прямо в глаза Меллону и ответил:

— Передайте фабриканту и всем, кто так говорит, что Мэн в жизни не убил еще ни одного человека! Мои руки и совесть чисты. Я не убийца!

— В наше время все возможно!— уклончиво ответил Меллон.— Но ведь Джек с того времени не подавал и признаков жизни.

— Он жив. Он у меня во дворце... Вы не верите? Хорошо, вы убедитесь сами!— Мэн дважды надавил кнопку электрического звонка. Через минуту в кабинет вошел слуга и, поклонившись, встал у дверей.

— Джек спит?— спросил его Мэн.

— Да, хозяин, я только что был в Зеленой комнате,— ответил слуга.

— Проведите нас к нему!— приказал Мэн.

— Слушаюсь!..

Троем они прошли через длинные анфилады комнат, охраняемых вооруженными людьми. Вскоре узкий коридор привел их к окованным медными пластинками тяжелым дверям. Мэн открыл в стене маленький глазок и посмотрел в него.

— Да, он спит. Можно войти.— Слуга узорчатым ключом открыл замок, и они вступили в круглую комнату.

Все стены, пол и потолок были покрыты пушистыми зелеными коврами, поглощавшими все звуки. Воздух был пропитан каким-то смолистым, удушливым, тяжелым запахом. Окон в комнате не было. На низком круглом столе в вазах лежали фрукты, в хрустальных графинах были налиты разноцветные напитки. Кругом стен тянулись широкие мягкие диваны с грудой расшитых восточными рисунками подушек. Налево от входа лежал, широко раскинув руки, молодой человек. Он спал, тяжело дыша.

Меллон подошел вплотную к дивану и наклонился.

— Да, это Джек. Я встречал его вместе с дядей,— сказал Меллон.— Но как он бледен.

— Ему немного нездоровится,— объяснил Мэн, беря Меллона под руку и увлекая в сторону дверей.— Вы убедились, что он жив?

Они вышли из комнаты. Мэн повернулся к слуге и тихо сказал ему:

— Следи за Джеком по-прежнему! Ты мне за него отвечаешь своей жизнью!

Слуга молчаливо склонил голову в знак полного повиновения. Когда Мэн и Меллон подошли к дверям вестибюля и стали прощаться, Меллон засмеялся и сказал:

— Знаете, что мне напомнила эта Зеленая комната? Пещеру на острове графа Монте-Кристо, где он давал снотворные пилюли своим гостям!

Мэн ничего не ответил.

Миллиардер уехал. Мэн медленно поднялся по мраморным ступенькам вестибюля. Вверху его терпеливо ждал секретарь.

— Я приготовил почту. Может, вы на нее взглянете?

— Ну, давайте, давайте!— раздраженно сказал Мэн, проходя в кабинет и садясь за письменный стол.

Но в дверь торопливо постучали, и испуганный слуга доложил:

— Он проснулся, выгнал меня из Зеленой комнаты и требует, чтобы вы пришли немедленно к нему!

— А, черт! Этого еще не хватало...

Мэн вскочил с кресла и быстро побежал по коридорам к Зеленой комнате. В ее раскрытых дверях стоял бледный Джек и, пошатываясь, шарил кругом руками.

— Господи, как трещит голова! Какое сегодня число?— спросил он, увидев Мэна.— Я совершенно ничего не помню!

— Пойдем, пойдем... Успокойся. Ничего особенного...

Мэн взял его за плечо и увел в комнату. Слуга бесшумно вошел за ними и закрыл дверь на ключ.

— Просто ты крепко уснул после вчерашней попойки!— успокаивал Мэн, поглаживая по плечу Джека.

— Почему ты меня никуда не выпускаешь? Почему ты хочешь, чтобы я торчал в этой Зеленой комнате? Почему ты все время убегаешь от меня?— задавал вопрос за вопросом встревоженный Джек.

Мэн молчал.

— Ты затеял какую-то бесчестную игру, обдѣлываешь свои делишки, а меня в сторону?— продолжал Джек.— Ты обещал мне половину всех благ, а теперь, когда бомбы украдены, ты прячешься в кусты?

— Прекрати эту болтовню!— сурово сказал Мэн, незаметно поглядывая на слугу. В нем накопало раздражение.

— Нет, это не болтовня!— рассерженно вскричал Джек, вставая с дивана.— Ты теперь не даешь мне ни одной монеты, хочешь сделать меня на всю жизнь нищим, а самому купаться в золоте?! Ты сам понимаешь, что мой дядюшка наверняка узнал о моем соучастии в краже бомб и отказал мне в наследстве!

— Замолчи немедленно!— предупреждающе произнес Мэн, шагнув к Джеку.

— Не буду молчать! Я пойду в полицию, пойду в суд и расскажу все о тебе, о том, как мы воровали атомные бомбы, как мы их...

Страшный удар кулаком слева в челюсть свалил Джека на диван, прервав начатую фразу. Мэн вытер пот со лба и, спокойно спрятав платок, сказал слуге:

— Если он еще раз проснется и выйдет из комнаты, я тебя убью сам или выдам полиции! Не отходи от него ни на шаг. Он все время должен спать! Ты меня понял?

— Понял, хозяин!— ответил слуга, выпуская Мэна из комнаты и закрывая за ним массивную дверь...

11. В правительстве

Водиннадцать часов пятьдесят минут дня на залитом солнечными лучами шоссе показалась серая закрытая легковая машина. При въезде в столицу ее остановил полицейский патруль.

— Прошу предъявить пропуск! — сказал полисмен, подходя к машине и опуская дубинку на радиатор.

Единственный человек, сидевший в машине за рулем, после минутного колебания снял автомобильные очки. Полисмен моментально выпрямился и, отдав приветствие, метнулся к группе военных, стоявших у ювета.

— Господа, Мэн приехал! — возбужденно доложил он. Все кинулись к машине.

— Неужели сейчас меня арестуют? — тихо проговорил Мэн.

Но военные, подбежав к машине, отрекомендовались ему, как уполномоченные для встречи и сопровождения Мэна в Дом правительства, где его уже ждали.

Когда машина приблизилась к Дому правительства, с его ступеней быстро сбежал человек, окруженный многочисленной свитой. Это был глава правительства. С радостной улыбкой он протянул обе руки навстречу Мэну и торжественно произнес:

— Я рад приветствовать вас! Прошу быть нашим дорогим гостем!..

— Вы правы, гость я, действительно, для вас дороговатый! — с ехидством ответил Мэн.

Они вошли в зал под радостные приветствия собравшихся. Глава правительства и Мэн сели на возвышении за массивный стол.

— Вы не будете возражать, если мы начнем заседание? — спросил Мэна глава правительства.

— Валайте! — ответил Мэн, сунул за щеку брикет жевательной резинки и со скучающим видом приготовился слушать.

Начались выступления членов правительства. Все они говорили почти одно и то же: в стране паника, в опустевших городах свирепствует произвол и безвластие, заводы стоят. Все почтительно обращались к Мэну с просьбой спасти страну, продать атомные бомбы.

Мэн вяло слушал речи и оживлялся лишь, когда разговор заходил о деньгах. Он торговался, требовал миллионы за каждую бомбу. В зале ахали, качали головами, но соглашались со всеми назначенными Мэном суммами.

Цифра получилась внушительная: около четырехсот миллионов!

— А сколько мне заплатит само правительство?

— А сколько бы вы хотели еще получить?

Мэн мечтательно поднял глаза к потолку и произнес:

— Я всю жизнь стремился сделаться состоятельным человеком. Но сейчас я, к сожалению, не один. У меня есть друзья... Нам не хватает... четыре миллиарда шестьсот миллионов...

В зале с возмущением зашумели. Глава правительства, ошеломленный требованием Мэна, встал с кресла.

— Но где же мы вам возьмем такую сумму?! Нам очень тяжело выполнить вашу просьбу!

— А вы потрясите ваших миллиардеров! Пусть найдут деньги, если не хотят потерять все,

что у них есть! И учтите, что последнюю, двенадцатую бомбу сегодня подложили под столицу!

При этих словах Мэна все присутствующие в зале вскопили на ноги и зашумели. Многие кинулись в паническом страхе к двери.

— Сидеть всем на месте! — хлопнув по столу кулаком, крикнул Мэн. Все замерли.

В заднем ряду кресел кто-то протяжно завыл. Стальные сидели и молчали, как пришибленные...

— Много преподносил я вам сюрпризов за последние дни, — продолжал свою речь Мэн, — но последний сюрприз вы от меня получите через несколько минут! Сейчас сюда придут мои друзья, те, кого вы называли бандитами и сажали за решетки! Вот они уже подходят. Теперь мы будем править страной!

Действительно, в коридоре у входа послышался шум.

Но... Мэн на этот раз жестоко ошибся!.. В зал, широко распахнув двери, вбежал... Джек, сопровождаемый двумя полисменами, поддерживающими его с обеих сторон. Увидев его, Мэн испуганно встал со своего кресла.

— Джек, приятель! — крикнул он. — Зачем ты сюда пришел?!

Джек остановился в проходе между креслами и среди наступившей тишины тихо сказал:

— Ага! Ты здесь? И ты еще смеешь называть себя моим другом? Что ты со мной сделал? Зачем ты меня держал в проклятой Зеленой комнате, одурманивая снотворными зельями? Лучше бы ты меня убил сразу! — голос Джека сорвался, по щекам его катились слезы.

— Успокойся, Джек, все будет в порядке! — заискивающим тоном пытался утешить Мэн своего бывшего приятеля. — Ты быстро поправишься... Я прикажу вылечить тебя.

— Прикажу? — с отвращением крикнул Джек. — Все твои слуги уже в тюрьме! Это я вызвал полицейских и рассказал им всю правду!

Мэн прижал руку к сердцу. Его глаза растеянно бегали по хмурым лицам членов правительства. Ни одного сообщника!.. В конце концов его лицо налилось кровью. Он ударил по столу ладонью и истерически закричал:

— Но это подлость! Кто смел трогать моих людей?! Кто смел врываться в мой дворец? Я к черту взорву сейчас на воздух всю страну! Свины! Подлецы!

— Этого он сделать не сможет! — твердо прозвучал голос Джека. — Этого он не сделает.

В зале царил полнейшая тишина. Члены правительства встали со своих мест и с изумлением слушали Джека. Он продолжал бросать в тишину зала свои гневные фразы:

— Вас шантажирует этот бандит, пожелавший сделаться властелином страны! У него нет ни одной атомной бомбы. Ни под один город не подложены бомбы!

Мэн, закрыв лицо руками, как подкошенный, повалился на свое место.

— Но где же двенадцать атомных бомб, которые украл у нас этот негодяй?! — изумился член правительства.

— Эти бомбы все до одной мы утопили в океане, когда спасались от истребителей! — ответил Джек.

— Подлец! — крикнул Мэн и, выхватив из кармана пистолет, трижды выстрелил. Но его руки тряслись, и он промахнулся.

Мэн перепрыгнул через стол и опрометью, как затравленный заяц, кинулся к боковым дверям.

Все испуганно шарахались от него и в то же время кричали:

— Держите его! Казнить его! Вешать!

Мэн знал, что его автомобиль стоит у подъезда, и он бросился к нему, как к спасательной шлюпке.

«Бежать, бежать скорее! Они разорвут меня на части!» — лихорадочно думал Мэн.

Он добежал до дверей и ударом ноги распахнул их. Но там оказался целый отряд полисменов. Они скрутили ему руки, обезоружили, раздался знакомый звук шелкнувших наручников.

Мэна втолкнули в какую-то маленькую комнату, бросили на диван, а по бокам расселись два рослых полисмена.

— Как браслетики, не жмут? — ехидно спросил один из них.

Мэн ничего не ответил и сидел, опустив голову на грудь, ожидая, что будет дальше?..

«Неужели на этот раз я погиб? — думал он. — Да... пожалуй, теперь все кончено!»

12. Последняя глава

Долго еще бушевали одуроченные члены правительства, когда Джек подробно рассказал им о похищении атомных бомб и шантаже Мэна.

— Этот бандит и мерзавец обвел нас всех вокруг пальца! Разогнал жителей крупнейших городов, парализовал работу заводов, фабрик, разгромил всю экономику страны! — кричал один. — А кто в этом виноват? Виноваты мы сами! Это мы с вами раздували атомный психоз во всем мире. Это мы с вами пугали людей несущестующими ужасами атомной бомбы! И вот вам результат... Что теперь скажут о правительстве? Какие мы завоеватели мира, если не могли раскусить обман бандита и взломщика Мэна?

— Вешать, вешать мерзавца! Устроить ему публичную казнь! — раздалось в конце зала.

— Я призываю вас, джентльмены, здраво обсудить положение, в котором мы оказались, — начал второй оратор. — Не забывайте, что через месяц будут проходить выборы в правительство. Времени осталось страшно мало!

— А Мэна все-таки надо повесить!.. — раздался чей-то возглас из середины зала.

— Повесить Мэна мы всегда успеем! — заявил глава правительства, немного пришедший в себя и снова взявший в руки председательский молоток. — Важнее решить: что мы должны теперь делать? Я прошу членов правительства высказаться!

По ступенькам на трибуну взшел член правительства Коркланд. Немного помолчав и собравшись с мыслями, он начал речь:

— Вот здесь сейчас все кричали: «Повесить Мэна!» А какой, я спрашиваю вас, будет от этого толк?.. Все равно люди будут смотреть на нас, как на стадо баранов, обманутых талантливым жуликом! Кто из нас получит на выборах хоть один голос? Никто!.. И вообще я не понимаю, для чего мы должны говорить народу правду о том, что бомб в городах не существует, что вся эта история с бомбами — сплошной обман?

В зале воцарилась напряженная тишина.

— Но что вы предлагаете? — спросил глава правительства.

— Я предлагаю, прежде всего, объявить немедленно Джека сумасшедшим! Немедленно изо-

лировать его от людей, а может быть, даже уничтожить!..

— Но, если бы не Джек, мы оставались бы по-прежнему в дураках! — перебил глава правительства.

— Я прошу не перебивать мою речь! — возмущенно заявил Коркланд.

— Дайте ему говорить. Мы слушаем, продолжайте! — раздался голоса в зале.

— Дальше я предлагаю, — воодушевленно продолжал Коркланд, — объявить населению и всему миру, что мы, члены правительства, сумели уговорить Мэна выдать правительству атомные бомбы и спасти города! Без нас бы страна погибла!

— Вот это ловко! Молодец Коркланд! Блестящая мысль! — закричали в зале.

— Правильно предложено, но Мэна все равно повесим! — раздался одинокий голос.

— Ни в коем случае! Такого человека мы должны сохранить! — ответил Коркланд. — Я на днях посетил Мэна в его дворце и убедился, что этот человек очень полезен! Вы сами подумайте: он занят организацией легиона преступников для борьбы с рабочим движением и забастовщиками. Он мечтает о разведении колорадского жука, техасского червяка и калифорнийской мошки в огромных масштабах для экспорта за границу! В своей афере с атомными бомбами он оказался предприимчивее и умнее, чем любой из нас... Какой же он после этого бандит и жулик? Да ведь это государственный деятель! Поэтому мы должны не только сохранить ему жизнь, но и ввести его в состав нашего правительства!

— Bravo! Правильно, Коркланд! Да здравствует член правительства Мэн! — снова раздалась возгласы в зале. — И деньги надо ему выдать, всю сумму, как мы ему обещали!..

Коркланд поднял руку и, когда утих шум, продолжал:

— Мне кажется, что на первых порах мы утвердим Мэна заместителем главы правительства! А потом приглядимся к нему и двинем его кандидатуру дальше...

— Блестяще придумано! Изумительная идея! — закричали все, подхватили довольного Коркланда на руки и торжественно обнесли вокруг зала.

Глава правительства постучал молотком о стол и сказал:

— Вопрос о назначении Мэна заместителем главы правительства ставится на баллотировку. Предложение прошло единогласно.

— Пригласите сюда нового заместителя! — распорядился глава правительства.

Испуганный Мэн, потирая на руках рубцы от снятых наручников, вошел в зал. Он был поражен изменившейся обстановкой. Ни одного свирепого лица! Наоборот, все улыбались, приветливо кивали ему головой, махали руками.

— Садитесь! — пригласил глава правительства. — Нам надо кое о чем с вами договориться!

— Значит, меня не повесят!.. — обрадованно пробормотал Мэн.

Он сел, откинулся на спинку кресла, заложил ногу за ногу и сунул в рот брикетик жевательной резинки...

